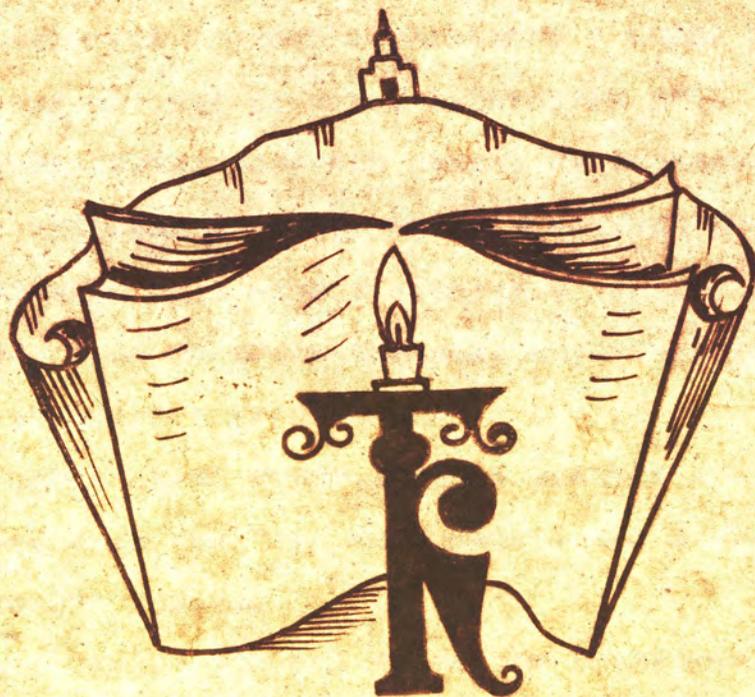
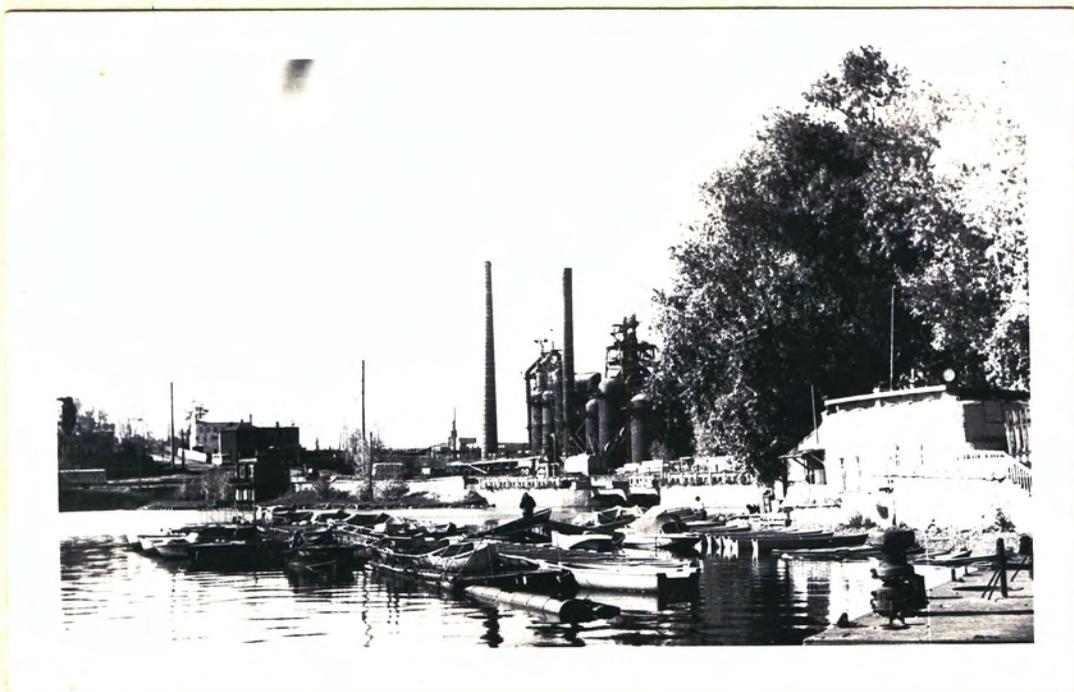

ТАГИЛЬСКИЙ КРАЕВЕД

№ 8

май - август
1990 г.

Набережная и плотина тагильского пруда.

Старый металлургический завод.

На переднем плане лодочная станция ВМР.

Фото Б.Шилова, 1989 г.

Магильский
краевед

№ 8
май - август
1990 г.

ПАМЯТИ СТЕПАНА ЯКОВЛЕВИЧА ЧЕРНЫХ

Умер Степан Яковлевич Черных, член краеведческого клуба и автор журнала "Тагильский край".

О себе он рассказывал немного. Родился в 1921 году в деревне Лопатовой Свердловской области. С 1941 года до тяжёлого ранения под Кёнигсбергом в марте 1945 года был на фронте. Вернувшись с войны, закончил среднее образование в школе рабочей молодёжи. По пенсии работал слесарем-наладчиком НТМК.

В этих скудных анкетных данных не отражено главное - интенсивная духовная жизнь, интересы и занятия Степана Яковлевича.

А главным была тяга к знаниям. С детских лет он стремился узнать обо всём на свете, поглощая научно-популярную, историческую, биографическую и художественную литературу.

С молодости писал стихи, которые сначала публиковались в местных газетах, а позднее были напечатаны в журнале "Урал"/1985г/ и альманахе "Поэзия."

Семнадцатилетним был приглашён поработать во время каникул в многотиражке, а потом в культурно-бытовом отделе "тагильского рабочего" правил рабочковские заметки, собирал информацию. В 1938 года был членом литературного кружка, которым руководил А. П. Бонгин. Позднее этот кружок стал именоваться литературным объединением. Из редакции ушёл на фронт. Многолетнее сотрудничество в газете и высокое качество его материалов было отмечено премией имени Григория Быкова.

Но главным стала биобиография, а в ней - сбор и раскрытие псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей. Здесь он действовал как учёный, исследователь. Создал собственную методику, требующую обширных знаний. О зарождении этого увлечения ставшего главным делом жизни, и методах работы С. Я. Черных

ных рассказов в статье "Раскрывая тайну псевдонимов" /Сборник "Библиография в моей жизни", М. "Книга", 1984г./за тридцать лет, отпавших этой работе, им собрано и расшифровано громадное количество псевдонимов и криптонимов. К сожалению, эти материалы остались неопубликованными.

Им собрана обширная библиотека, включающая редкие библиографические издания. В ней немало дарственных книг с автографами авторов, с которыми дружил или переписывался Степан Яковлевич.

Хотя В.Я. Черных не считал себя краеведом, он неоднократно выступал на Вирюковских чтениях, был членом нашего краеведческого клуба с его основания. Выступал на заседаниях, последний раз 15 мая этого года с воспоминаниями о войне. Помогал редколлегии "Тагильского краеведа" при подготовке первого номера, по просьбе редактора давал свой материал. Последнюю статью, публикуемую в настоящем выпуске, написал, уже будучи неизлечимо больным.

Краеведы лишились человека редкой начитанности, знатока русской журналистики и литературной жизни Урала, скромного, бескорыстного, добродетельного товарища, который своим участием содействовал и поддерживал высокий уровень наших заседаний.

Лучшим памятником Степану Яковлевичу Черных было бы издание его трудов.

Актив краеведческого клуба
и редакция "Тагильского краеведа."

С.А. Черных

МОЕ УВЛЕЧЕНИЕ

Что меня толкнуло на эту нелегкую и ставшую впоследствии ежедневной потребностью трудоемкую работу, у которой нет конца, то сих пор вразумительно сказать не могу. Думаю, что мой детский интерес к разнообразию фамилий. И, вероятно, в большей мере поттолкнул И.Ф. Масанов своим "Словарем псевдонимов". Просмотрел я его и обнаружил много пропусков псевдонимов, которые мне были давно известны. Что же делать? Масановский словарь напечатан полностью, мои 314 сообщений вошли в дополнения в 4-й завершающий том. Решил собирать сам - все то, чего нет у Масанова, ограничив поиски 1967г. И вот уже 30 лет этим занимаюсь. Все время возникает вопрос: кто именно тот или иной А.С. или А.В.-в? Силюсь найти, установить, уточнить, прояснить подлинное авторство. И часто не без успеха. Помогают размышления, сопоставления и обычная интуиция. Потому что без книг не обходится почти ни одна разгадка. Стараюсь не пропустить ни одного библиографического справочника. Любю в чем-то может помочь.

Карточка моя за 30 лет выросла до 30 тысяч собранных псевдонимов. Перелистаны сотни журналов и губернских - областных газет, в том числе много уральских, как, например, "Екатеринбургская неделя", "Уральский кооператор", "Хозяйство Урала", "Ураочий журнал", "Уральское краеведение", "Уральский техник", "Просвещение на Урале", "товарищ Терентий" и т.д. Выявлены псевдонимы П.П. Лахова, П.И. Мамина-Сюиряка, К.В. Боголюбова, В.П. Вирькова, В.С. Рябинина, В.М. Курочкина - всего около 400 уральцев. В это число входят и тагильчане-журналисты 1920-30 годов Л.С. Сливкин, М.И. Котугин, П.С. Воронин, А.Г. Кошечев, К.М. Шенцаев и другие, 1940-х годов - К.И. Саонов, П.И. Василь-

ев, Л.Т.Вершинин, П.А.Влигин, И.В.Глобина и др. К более поздне-
му времени можно отнести С.К.Вострова, А.Т.Ермакова, В.В.Маруси-
ча и др.

Никакой поиск не обходится без переписки, без личных
встреч и знакомств. Я храню сотни писем - от В.Г.Дигина,
Б.А.Пермяка, Л.Н.Правдина, Т.М.Косарика, Г.И.Мирошниченко, Б.Н.Пер-
митина, Р.А.Штильмарка, С.В.Евгенова, Л.Я.Сорового, М.Я.Анлетина,
В.Реста, А.Е.Решетова, И.А.Халифмана, Н.А.Никифорова, М.Т.Эльсона,
В.Г.Титриева, М.М.Глейзера и многих других. Лично знаком и по-
стоянно переписывался с О.Г.Ласунским, В.Т.Петряевым, П.В.Мура-
шовым, А.Р.Палеем, А.В.Храуровицким, В.Г.Утковым, В.М.Курочкиным,
В.Н.Чуваковым и др. Есть даже очень краткое письмецо /ответ на
мой вопрос/ от знаменитой Анны Ахматовой.

Собиратель псевдонимов - коллекционер? так считают неко-
торые мои корреспонденты. Но я так не считаю. Это весьма кро-
потливая работа, требующая ежедневной отдачи и, скорее всего,
однака к исследовательской, в науке она называется псевдоним-
стикой со своей установившейся терминологией: патронимы,
матронимы, криптонимы, псевдонимы, фантомы... Все это мне пришлось
освоить за 30 лет копания в журналах, газетах и книгах. Оттаны
псевдонимике многие годы. Но я не каюсь, не сожалею. Все-таки
оставлю после себя какой-никакой след на земле.

К Р У Г О С В Е Т К А

М А Р Ъ И Л Е О Н О В О Й

Узнав, что Глинка в Петербурге, таша Леонова решила его увидеть. Одно дело - петь дома при визити чепчиков, другое - переп лицом знаменитого музыканта.

Михаил Иванович проследился от восхищения, когда юная таша спела ему несколько народных песен. И принял в судьбе Леоновой живейшее участие. "Какой чистый, звонкий голос у этой левушки, и поёт без фальши, хотя нот не знает," - заключил Глинка, решив устроить Марью Леонову в подготовительную школу. таша оказалась весьма способной ученицей, всего за восемь уроков освоив ноты. И вскоре выступала в Александринском театре. там исполнила свою первую роль - роль Вани в опере Глинки "Иван Сусанин". И была зачислена в труппу Мариинского театра, где исполняла роли в операх Римского - Корсакова, Мусоргского, Серова. Каждый раз свою прославленную примадонну публика встречала восторженно, ибо все понимали: лучше её контральто голоса не было, и артистичность её непопражаема.

Но с Мариинским театром получился разрыв из-за притязаний начальника петербургских театров Фёдорова, который, не получив взаимности, попросту изгнал Марью Леонову со сцены, заменив её прелестное контральто обычным сопрано. И какое-то время Леонова концертировала в городах Германии, Бельгии, Франции. Композиторы Мейероер и Обер уговаривали её не возвращаться в Россию. Но она была верна своему родинному краю.

В 1873 году всё же была вынуждена уйти из оперы. И тогда она решила "объехать шар земной и ознакомить бел-свет с русской музыкой и песней." Выбрала - начать с Японии. И наняв кибутку, твинулась в путь. Попутно в разных городах выступала с концертами. Вот как описывает Марья Леоновна свою поездку в "Историческом вестнике"/1891, март/: "тала 17 концертов в Екатеринобурге, в том числе 5 раз выступала в опере "Трубадур". Пока рачувивали хоры, я успела съездить в Нижний Тагил и Кушву. В Нижнем Тагиле

мне отвели помещение в доме Лемитова... Проживя здесь несколько дней, я отдохнула, олаготаря комфорту, который нашла в этом доме. Например, спальня была отделана роскошно во французском вкусе; утром, когда я выходила в столовую, чай и завтрак были сервированы на серебре и у моего приора красовался букет цветов." После тех мучений, которые терпели это время все проезжавшие от Перми до Екатериноурга по ужасной дороге, попасть в такую обстановку казалось каким-то волшебством. "Концерт также устроился здесь как бы сам собой... Общество было самое сердечное, меня чествовали, угощали и взяли с меня слово, что на обратном пути князь Кушвы я дам другой концерт." так она и сделала. В тагиле " всё уже было готово для второго концерта. На другой день после него сделан был в громадном зале обед. Вся зала уставлена была цветами, шампанское лилось рекой за моё здоровье, при чём выражались пожелания хорошего пути..."

И поехала Леонова дальше - через Сибирь до Дальнего Востока. А это почти 10 тысяч верст по ухабистым дорогам то в кибитках, то в санях. Ветвь железной дороги по Владивостока в то время ещё не было.

По Японии царья Леонова побралась на попутном русском корвете. Первый концерт дала в порту Иокагама. Восторгу публики не было предела. Ветвь японцы впервые слышали русскую певицу - с таким голосом, с таким обаянием.

Из Японии Леонова переехала в Китай и, выступав там, вернулась в Японию, оесповоротно решив ехать оттуда до Америки. Это ей удалось. С огромным успехом пела в Нью-Йорке, Филадельфии, Чикаго... И потянуло её на родину. Пока возвращалась, выступала в Англии, Франции, Бельгии, Германии. Вернулась в Петербург. Вместе с Мусоргским пообывала во многих городах южной России, причём Мусоргский играл соло и аккомпанировал Леоновой.

Такова беспокойная жизнь царьи Михайловны Леоновой. Умерла она в 1896 году в возрасте 66 лет.

ЛЕОНОВА ЛАРЬЯ МИХАЙЛОВНА /1829 - 1896/ - русская певица /контральто/. В 1851-1873 пела на сцене Мариинского театра в Петербурге и Большого театра в Москве. Выступала как концертная певица, пропагандировала русские народные песни. Преподавала в музыкальной школе, организованной совместно с Мусоргским в Петербурге и в театральном училище в Москве /1888-92/. Написала воспоминания /"Исторический вестник", 1891 г, январь-апрель.

"Энциклопедический музыкальный

словарь" М. 1959 г.

Представим нового автора

МЕБЕНИН НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — уроженец Нижнего Тагила /1926г./, объехал нашу страну от Владивостока до Калининграда, от Самарканта до Мурманска, плывал по рекам Чусовая, Кама, Волга, Обь, Висей, Амур, Тундра. В трех местах пересек северный полярный круг. Был на острове Сайкал, Иссык-Куль, в горах Тянь-Шаня, Крыма и Кавказа. Посетил 25 стран мира на четырех материках, участвовал в трех морских круизах, пересек экватор, плывал по рекам Нил, Темза, Эльба, Влтава, Уруамба, Ропотамо.

Знакомился с городами Токио, Лондон, Прага, Берлин, Каир, Марсель, Амстердам, Валента, Лима, Мехико, Гавана...

Большое внимание в поездках в изучении истории уделял родному Уралу, побывал на двух тысячах металлургических заводов края.

В творчестве основное внимание осталось истории науки и техники, прежде всего Урала. Считаю такими его книги, как "Урал на всемирных выставках" /1981/, "Уральский металл" /1981/, "Грун-Гржималло" /1977, 1986/, "Лауреаты Емиговских премий" /1987/, "Мастеровые" /1988/.

Им опубликовано 110 журнальных статей и 13 книг, считая переиздания и переводы /ЧР и ГР/. На его книги известно 33 рецензии и статьи в печати, а также свыше 130 ссылок в трудах других исследователей.

Автор полон творческих замыслов, ожидает выхода в свет трех новых книг. Последняя из них посвящена династии Темидовых, фрагменты из нее и предлагаются вниманию читателей нашего журнала.

Н. А. Мезенин

ФРАГМЕНТЫ БУДУЩЕЙ КНИГИ
"ДИНАСТИЯ ДЕМИДОВЫХ"

Роковая Аврора и другие

Павел Николаевич Демидов, учредитель известных Демидовских наград, женился поздно, за четыре года до своей кончины, на фрейлине императорского двора Авроре Карловне, урожденной Бернваль. По воспоминаниям современников она считалась одной из красивейших женщин в Петербурге. Хотя многие, по словам графа В. А. Соллогуба, предпочитали ее сестру Эмилию Карловну Мусину-Пушкину (1810-1846), в которую был влюблен М. Ю. Лермонтов и посвятил ей стихотворение "Графиня Эмилия" (1839). Мемуарист свидетельствовал в воспоминаниях о Лермонтове: "К тому же в то время он страстно был влюблен в графиню Мусину-Пушкину и следовал за ней повсюду, как тень". И. С. Тургенев в своих литературных и житейских воспоминаниях, рассказывая о маскараде в благородном собрании под Новый 1840 год, наблюдал за быстро вошедшим в славу поэтом Михаилом Лермонтовым: "Он поместился на низком табурете перед диваном, на котором одетая в черное платье, сидела одна из тогдашних красавиц - белокурая графиня Мусина-Пушкина - рано погибшее, действительно предельное создание".

Аврора Карловна тоже была женщиной редкой красоты, и об этом можно судить по известному ее портрету кисти знаменитого Карла Брюллова. Картина хранится в Нижнетагильском музее-заповеднике и составляет его особую гордость. Исследователи обычно рассказывают только о мужской линии Демидовых, о их заводских делах. Мы же познакомим читателя с женой одного из Демидовых обстоятельнее, тем более, что она одно время принимала участие в управлении заводами.

Баронессу Аврору Карловну Бернваль-фон-Валлен (1808-1902), дочь Выборгского губернатора, воспевали в своих стихах поэты, ею восхищались, в нее безумно влюблялись. Среди поклонников красоты Авроры были В. А. Баратынский, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, Ф. И. Тютчев.

Сохранились сведения о встречах А. С. Пушкина с сестрами Бернваль 24 июня 1832 года и в сентябре того же года у

В.Ф.Вяземской. В конце 1832 года поэт посетил сестер в гостинице Демута, где присутствующих зарисовал художник камер-инжер Г.Г.Гагарин. Но за Авроров ткнулся какой-то рок, создавая шлейф таинственности. Когда ей было всего семь лет, она теряет своего отца. Умирает два ее жениха, причем второй из них неожиданно скончался в день свадьбы, за час до венчания. Роксовая Аврора — так и говорили о ней тогда.

Свадьба Авроры Карловны и Павла Николаевича совершилась 9 ноября 1836 года. Недолгая супружеская жизнь Авроры Карловны с Демидовым проходила в балах и развлечениях. Лето Демидовы проводили в Финляндии, в окрестностях Гельсингфорса, куда также приезжала прелестная графиня Э.К.Мусина-Пушкина. За ними туда собиралось довольно большое и очень изысканное общество. По эмилии вечера Демидовы часто посвящали приемам в своем столичном доме. И тогда великолепную шею и грудь Авроры Карловны украшала тоненькая цепочка, на которой висел знаменитый демидовский бриллиант-солитер. История этого камня заслуживает особого рассказа.

Павел Николаевич с детства считался слабым здоровьем, страдал легкими. Еще в молодости его отправляли за границу на лечение. Скончался он в возрасте 42 лет, похоронен в Финляндии в поместье Шериваль.

В 1840 году молодая вдова и младший брат умершего Анатолий Николаевич остались владельцами огромного заводского хозяйства. Аврора Карловна приехала на Урал, в Нижний Тагил. С немецкой аккуратностью повела она дело. Сократила многочисленную прислугу. Она точно отчисляла совладельцу заводов Анатолию Николаевичу Демидову каждый день 24 000 рублей.

Шесть лет одна из первых красавиц Петербурга не снимала вдовьего наряда, пока в доме Соллогуба не встретилась с Андреем Карамзиным. Их брак благословил Ф.П.Тютчев, знавший Аврору еще по Москве и любивший ее.

Андрей Николаевич Карамзин (1814—1854), сын историка, воспитанник Дерптского университета, прапорщик лейб-гвардейской конной артиллерии, с мая 1836 по октябрь 1837 года жил за границей, потом вышел в отставку в чине гвардии подполковника. Общался с Пушкиным в доме своих родителей (1816—1836). О его демократических наклонностях говорят факты, приводимые в "Узнике" А.В.Жигитенко. Когда в 1852 году И.С.Тургенев по высочайшему повелению попал на съезжую за статью, напечатанную о Гоголе в "Московских ведомостях", где Гоголь был назван в е л и к и м; его вскоре посетил Андрей Николаевич. „Тургенев здоров, бодр, даже весел“, — сообщал он друзьям.

Еще Никитенко рассказывал об обеде у А.Н. Карамзина в Петербурге: "После обеда читаны были неожиданные главы "Мертвых душ" Гоголя. Чтение продолжалось ровно пять часов, от семи до двенадцати. Эти пять часов были истинным наслаждением". В.В. Гоголь писал А.С. Смирновой в письме от 20 октября 1849 года из Москвы: "Видел вскозь Андрея Карамзина с супругою, возвратившегося из путешествия по заводам и обширным демидовским землям..."

После женитьбы на Авроре Карловне А.Н. Карамзин стал опекуном ее малолетнего сына от первого брака Павла и в этом качестве управлял унаследованной мальчиком частью огромного демидовского состояния совместно с Анатолием Демидовым. Он бывал в Тагиле. "Его пребывание на заводах является, кажется, лучшей страницей в их истории, по крайней мере, старожилы вспоминают о нем с благоговением, что и понятно, если принять во внимание жестокие заводские порядки крепостного времени," - писал Д.Н. Мамин-Сибиряк.

Потом Андрей Николаевич Карамзин уехал на Крымскую войну, воевал с турками, погиб в Валахии в бесславленном сражении с восставшими крестьянами. Аврора Карловна много хлопотала, чтобы его тело вывезли с места гибели в Петербург, что и было сделано. На Госпитальной площади в Нижнем Тагиле Карамзину поставили довольно массивный чугунный памятник. До наших дней он не сохранился.

После смерти А.Н. Карамзина в 1854 году Аврора Карловна больше замуж не выходила. Она была вхожа в высшие светские круги, много жертвовала на приюты и школы, помогала голодающим и сиротам. Благотворительность началась после смерти мужа, когда она осталась богатой наследницей. В.А. Соллогуб в воспоминаниях, опубликованных в 1886 году, сообщал: "Я видел не так давно Аврору Карловну, и она даже старушкой остается прекрасной". Старушка пережила двух мужей, младшего брата первого мужа Анатолия Николаевича, двух сестер и брата, своего единственного сына Павла Павловича Демидова и двух его жен, прожив 94 года. После смерти сына в 1885 году она ежегодно получала с управления уральскими заводами по 50 000 рублей. Скончалась в 1902 году в Финляндии. В особняке А.К. Шернваль-Демидовой-Карамзиной теперь располагается городской музей Хельсинки, согласно ее завещанию.

метка !!!

АЛМАЗ САНСИ

В России бриллианты стали особенно модны при Екатерине II. Их вставляли в брелоки, застёжки, табакерки, трости, украшали одежду, обувь. Крупные алмазные камни встречаются весьма редко, они уникальны, представляют собой огромную ценность. Их так мало, что во всем мире принято присваивать алмазам в 20 каратов и более собственные имена. Каждый именитый алмаз имеет историю, ее записывают и хранят. Биографии алмазов полны легенд, загадок и неясностей. Так и мы поведаем "биографию" алмаза Санси, подаренного П.И. Демидовым своей молодой жене Авроре Карловне в день свадьбы. Бриллиант Санси величиной с голубиное яйцо стоил владельцу 500 тысяч франков — зарплата рабочих всех его заводов за пять лет. Имеются три версии истории камня.

В тоненькой книжнице "Историческое известие о знаменитом алмазе Санси", изданной Я. Зембицким в Петербурге в 1835 году, излагается история знаменитого камня. Незавидная участь постигла первого владельца алмаза — бургундского герцога Карла Смелого. Уверовав в чудодейственную силу камня, он носил его в шлеме. Герцог был убит во время сражения при Нанси в 1447 году. Бразеский солдат, вынувший алмаз из шлема, продал его за один флорин. Позже этот камень оценили в один миллион ливров. Около четырех веков Санси существовал в Европе, переходя из рук в руки людей разного состояния, имея самую низкую и самую высокую цену, был собственностью знаменитых особ и многих королей, служил предметом коммерческих сделок, средством к политическим выгодам. До 1789 года Санси составлял собственность французского двора. Во время французской буржуазной революции алмаз скрывался в неизвестности, но в 1830 году он объявился собственностью герцогини Е., по поручению которой ювелир М. Бургильон сделал стразу — стеклянную копию алмаза.

Павел Николаевич Демидов, путешествуя по Европе, обращал внимание, пишет биограф алмаза, на изящные и редкие предметы природы и искусства. Это внимание побудило его дать приют в России великолепному алмазу Санси. Алмаз имел форму груши, ограненной двойной розеткой. Масса его была прозрачности чистой воды, вес 53 1/2 карата.

По версии автора книги об алмазах Р.Г.Валеева, через 10 лет после смерти Бонапарта, т.е. в 1851 году, по Парижу разнёсся слух о том, что П.Н.Демидов приобрел бриллиант Санси весом 58 1/2 карата. Покупка камня сопровождалась судебным процессом, вызванным обвинением со стороны французского правительства в купле заведомо краденого камня. В суде говорилось, что алмаз куплен был при посредстве ювелира М.Бургильона у парижского маклера Ж.Фриделейна за 500 тысяч франков. Обвиняемый П.Н.Демидов пригласил лучшего юриста Франции. Знаменитый адвокат из года в год оттягивал слушание "дела о покупке краденого бриллианта". В конце концов, если верить тогдашним слухам, герцогиня Беррийская подтвердила, что Санси является одним из ее фамильных бриллиантов и что она продала этот камень через подставное лицо. Злые языки болтали, что свидетельство герцогини обошлось Демидову еще в 150 тысяч франков.

По версии, приводимой экономистом и публицистом из ГДР Г.Вермушем, после смерти Карла Смелого алмаз чистойшей воды, позже граненный в форме капли воды весом 58,7 карата, первоначально попал к португальской королевской династии, уступившей его за 100 тысяч ливров сборщику налогов французского короля Генриха 1У. Потом французский банкир продал его английскому королю Икову 1. В 1649 г. кардинал Мазарини приобрел алмаз для Людовика XIV. В 1796г. многие драгоценности королевской сокровищницы были заложены, а Санси попал в Швейцарию. Среди его обладателей и стал Павел Демидов, купивший его в 1835г. за 0,5 млн.рублей. Еще несколько раз меняя владельцев, камень появился в 1851г. у испанских королей и 16-ю годами позже был экспонатом Всемирной выставки в Париже. После длительного пребывания "на родине" - в сокровищнице гутисольского магараджи - он стал собственностью английского аристократического семейства Асторов.

По сообщению Р.Г.Валеева, молодая вдова Аврора Карловна, выйдя вторично замуж за Андрея Карамзина, привезла с собой в новую семью платиновую шкатулку с драгоценностями. В груди жемчугов, изумрудов и александритов был и бриллиант Санси. Автор утверждает: "В доме Карамзиных уникальный бриллиант находился с 1846 по 1917г., а затем след этого замечательного камня теряется. Известно лишь, что он не был вывезен за границу и остался в России".

Чтобы показать рост ценности великолепного камня с той поры в сравнении с нашими временами, приведем сообщения газет мира 1988г. Тогда на нью-йоркском аукционе в Сотби был представлен бриллиант "Мандалей Раби" весом 48,02 карата. Владельцы запрашивали за него 15 миллионов долларов.

Где теперь алмаз Санси?

К. Р. Ляпцев

АНДРОМАХА НА КЛУМБЕ.

В центре Нижнего Тагила, по соседству с драматическим театром имени Д. Н. Мамина-Сибиряка, на холме высится старинное здание с шестиколонным портиком. В нем размещается поликлиника второй городской больницы.

Здание построено крепостным архитектором Фоботаревым, А. П. в 1829 году. Перед входом в здание, в центре большой цветочной клумбы, установлена бронзовая скульптура женщины, сидящей на пьедестале с поднятой рукой. Это Андромаха. В греческой мифологии жена Гектора, сына царя Трои. В поэме "Илиада" Андромаха — идеал преданной и любящей жены.

Откуда здесь мифологический образ, какая связь его с лечебным учреждением? Связующей нитью является то, что и старинное здание, и скульптура Андромахи — это отдельные фрагменты истории тагильских заводчиков Демидовых. Здание возведено специально для заводской больницы и аптеки по распоряжению владельцев заводов Демидова П. П., жившего в Италии. Умирая от паралича в своем дворце во Флоренции, он завещал похоронить его в Нижнем Тагиле в подземном склепе Свисло-Григорьевской церкви, который стал с тех пор усыпальницей рода Демидовых.

В 1885 году там же, в Италии, умер внук Демидова П. П. — Павел Павлович Демидов, князь Сан-Донато. Как и его деда, останки этого Демидова были перевезены в Нижний Тагил и похоронены в родовом склепе.

Супругой Демидова П. П. была Елена Григорьевна Трубецкая, внучка декабриста Трубецкого С. П. Ее бабушка Екатерина Ивановна первая из жен декабристов последовала на тридцатилетнюю каторгу и ссылку за своим осужденным мужем. Для краеведов, собирающих материалы по истории Демидовых, это обстоятельство родства Демидовых с потомком декабристов представляет значительный интерес.

По желанию княгини Демидовой Е. Г. на надгробии ее супруга с надписью "Елена — возлюбленному Павлу" была установлена скульптура Андромахи, одной рукой поддерживающая барельеф Павла Демидова. (См. фото в "Тагильском краеведе" №5).

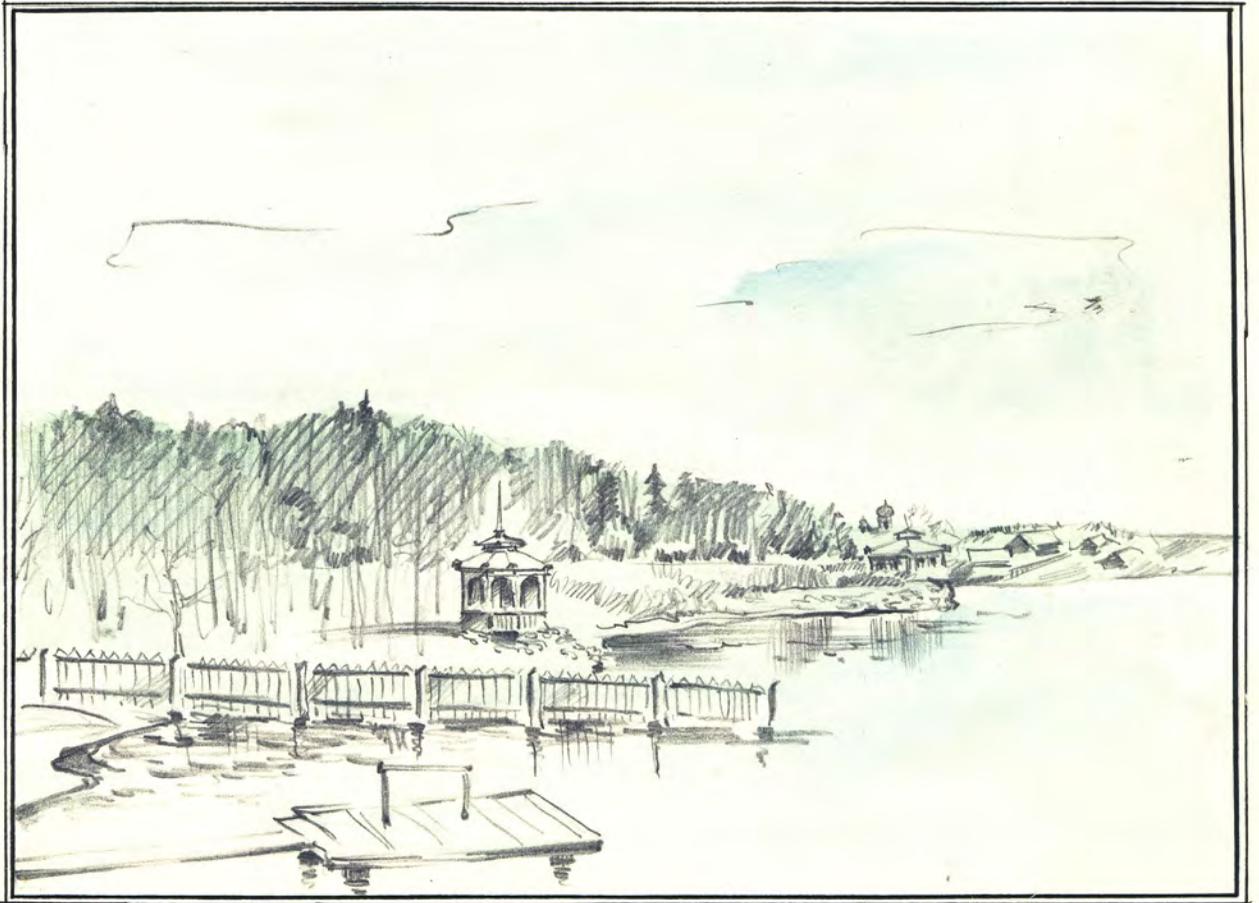
В 1934 году Виско-Никольская церковь до основания разрушена. На ее месте построен Дворец Культуры "Белленин".

Скульптура Андгомахи, представляющая историческую и художественную ценность, была извлечена из домидовского саркофага и поставлена на клумбе перед входом в городскую поликлинику. Скульптура взята на государственный учет Нижнетагильским музеем-заповедником горно-заводского дела на Среднем Урале.

x

x

x

• Вид на Демидовскую дачу • Нижний-Тагил •

Рис. Фомченкова В.И.

О БЫВШИХ ПАЧАХ ТАГИЛА

Под таким названием в рукописном фонде Нижне-тагильского музея-заповедника хранится аккуратно переплетённый том материалов, собранных Иваном Абрамовичем Орловым в 1966-69 годах /Ф.5, оп.5, ел.хр.14/. Это воспоминания самого краеведа, рассказы старожилов и большое количество фотографий, значительная часть которых оригинальные авторские снимки, остальные - копии старинных фотокарточек и открыток.

И.А. Орлов

ЛЕМИТОВСКАЯ ПАЧА

В конце Старозаволской улицы, на тогашней окраине, на берегу штагильского пруда была лемитовская пача. Невьянским трактом она разделялась на две части.

Часть пачи на берегу пруда была благоустроена. Здесь среди густого парка стоял двухэтажный деревянный дом с двумя резными верандами, застёклёнными цветными стёклами. Сам дом был выкрашен голубой краской /он сохранился до нашего времени/.

На террасе у входа в нижний этаж, где помещалась столовая, был гонг, удар которого оповещал об обеде. Вокруг дома были разбиты цветочные клумбы, сзади за домом устроено крокетное поле.

Кроме дачного дома, было ещё два: в одном была кухня и помещения для прислуги, другой для приезжих гостей.

Над волей две голубые беседки ажурной резьбы. По обе стороны большой беседки /светлицы/ с цветными стёклами установлены высокие шесты для подъёма государственных флагов в царские дни. Около другой, небольшой и неостеклённой, была крытая купальня. В светлице над прудом была две комнаты и прихожая, она была жилой. В ней летом жил "господин управляющий" здесь им принимались высокие гости, вплоть до губернатора. Здесь же жили, когда приезжали, господа Лемитовы.

На границе этой части дачи вдоль тракта плотными рядами росли высокие, стройные пихты, предохранявшие от пыли и шума. В конце дачи, ближе к железнодорожной волокачке, была берёзовая роща, остаток быв-

Бывшая демидовская дача.

Фото Б.А.Шилова, 1973г.

шего леса.

В царские дни, иногда по воскресеньям или другим торжественным дням играл духовой оркестр. Посторонние сюда не допускались. Не разрешалось даже близко ползать на лодке.

Лача была огорожена высоким тыном, сверх которого были положены доски для стога полевой воли. Ворота лачи были решетчатые, резные, крашенные жёлтой охрой. Рядом с ними помик сторожа. Кроме сторожа, лача часто охранялась ингушами, квартировавшими в Львовской школе по другую сторону пороги.

Вторая часть лачи, была много больше. Занимала два квартала от Невьянского тракта до Саловой улицы. Её также окружал высокий тын. Здесь был густой, нетронутый лес, с большими полянами, грибами и ягодами. Здесь воились рябчики и зайцы.

В этой части лачи, кроме дома сторожа, были каретник, конюшня и кучерская.

После революции ограда лачи и лес были расхищены обывателями. Помик сторожа занят пол квартиру. В нём жили ещё в 50-е годы.

С 1927 года пустырь стал застраиваться.

В главном павильоне лачи после революции разместился первый комитет комсомола железной дороги. С 1920 по 1923 год здесь был ночной санаторий, открытый главным врачом-венерологом Алексеем Николаевичем Николаевым. После здесь организовали дом отдыха железнодорожников. В 60-х годах в главном здании был летний сад. Сейчас волно-спортивная база железнодорожников.

В 1933-35 годах на территории лачи была построена волокачка НТМК.

УТКИНСКАЯ ДАЧА

В 1908-1909 годах в трёх верстах от Периской железной дороги по Салгинскому тракту /в полкилометре в сторону от него/ на правом берегу реки Малая Кушва на покосе среди соснового бора купец Илья Фёдорович Уткин построил дачу.

В большом двухэтажном доме с мезонином; с большими окнами на юг и резными наличниками летом жила его семья.

Кроме хозяйственных служб: сарая, конюшни, каретника и помика сторожа, - было ещё два дачных корпуса коридорной системы, каждый длиной метров по двадцать пять. Комнаты в них сдавались на лето дачникам-пансионерам. В главном корпусе, где летом жили хозяева, была ообщая столовая.

Территория дачи площадью 10-13 десятин была обнесена изгородью из жердей, а жилой участок - штакетником. Вокруг домов были рассажены гикие яблони, сирень, жёлтая акация, жимолость, разбиты небольшие цветочные клумбы. На речке Малая Кушва была плотинка маленького прутка.

В 1921 году дача была перелана летскому приюту со Старобазарной улицы /бывший Купеческий приют/.

В 1922-23 годах здесь был организован первый в тагиле дом отдыха.

В 1927-28 годах дача была перелана под служебные помещения строящегося коксохимзавода. В 60-е годы дом и остатки сирени ещё сохранялись напротив трамвайной остановки "Коксохим."

Сейчас исчезли все следы.

МУРИНСКАЯ МЕЛЬНИЦА

На реке Лебе ниже села Горбуново, близ её впадения в тагильский заводской пруд, была небольшая водяная мельница Семёна Ивановича Мурина, члена горбуновского сельского общества. Была она на огин постав, работала от водяной турбины.

Иногда на этих жерновах тагильские кустари мололи охру, малахит, нежжёную кость/кость, обработанную серной кислотой/.

На мельнице, кроме самого Семёна Ивановича, работали и шесть его сыновей. Мурины ремонтировали сельскохозяйственные машины своих односельчан: сеялки, веялки, сортировки, жатки и т.п.

Участок по полутора десятин был не огорожен. Рассказывали, что мельница досталась Мурину в наследство от родственника, тагильского купца Львова в конце 1890 года.

Мельница и пруд были в сосновом лесу. Берега местами были со скальными обнажениями, что делало место очень живописным. Учащаяся молодёжь Тагила часто проводила здесь пикники.

Сам Мурин с семьёй жил в двухэтажном доме. Для покрытия расходов растущей семьи он поставил ещё два одноэтажных дома и ставал их под лачу тагильским купцам.

В 1929 году при организации горбуновского колхоза Мурин передал ему мельницу и стал её заведующим. С этого же времени не стало желающих снимать лачу, лачные дома Мурин продал.

Выросшие сыновья Мурина огин за другим перешли на предприятия Тагила, в конце 30-х годов не стало надобности в мельнице, и она была заброшена. Мурина перевели как специалиста-мукомола заведующим колхозной мельницы в Лае. Тут же было перевезено годное оборудование горбуновской мельницы.

Муринская мельница постепенно разрушалась, ветхую плотину размыли внешние воды. Сам Мурин умер во время Великой Отечественной войны в Лае в возрасте 70 лет. О нём напоминает название мест — Муринские пруды.

М. С. Сироткина

СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В НИЖНЕМ ТАГИЛЕ
В ПЕРИОД КОЛЧАКОВЩИНЫ

Мамин-Сю иряк писал о разделении горнозаволского населения после реформы 1861 года на мастеровых и сельских работников. Мастеровые получали от владельца усадьбу/ и одну десятину покосов на душу. А сельским работникам владелец давал дополнительно участок пахотной земли с правом выкупа. Нижне-тагильское заволское управление причислило всех жителей посёлка к мастеровым, таким образом лишив их пахотной земли, которая была сосредоточена в руках горнозаволчика. Он мог её прогнать или отдать населению "впрелъ по усмотрения"/г. Н. Мамин-Сю иряк "Статьи и очерки" Свердловск, ОГИЗ-Свердгиз, 1947г. стр 39/

А. Н. Митинский в книге "Горнозаволской урал"/С.-Петербург, 1909г., стр 45/ отмечал, что 85% мастеровых получило пашен меньше, чем поддесятины. Но "...более сильные хозяева сосредотачивали у себя землю более слабых." Шло расслоение на безземельных и зажиточных хозяев.

Октябрьская революция, отняв земли у крупных владельцев и излишки у зажиточных люлей, отдала их малоземельному или безземельному населению. Поэтому большинство жителей Нижнего тагила весной 1918 года увеличило свои посевные площади. Хлеборобы, обрабатывая и засевая пашни, возлагали большие надежды на осенний урожай. Они надеялись изобавить свои семьи от голода. Но мирный труд землепашцев был прерван гражданской войной.

В Нижне-тагильском филиале Государственного архива Свердловской области хранятся материалы о колчаковщине /фонд р-404, опись 1, которые рассказывают о жизни тагильчан под властью Колчака. Среди них есть и такие, которые дают возможность познакомиться с политикой колчаковских властей в земельном вопросе, от решения которого зависело отношение народа к "освободителям России."

К тому же весной 1919 года начался падеж скота. Для прекращения заразы скот начали забивать. Пермская губернская управа предлагала выплачивать вознаграждение владельцам убитых животных. Но из-за войны и угрожания скота хозяева получали лишь проценты за убитый застрахованный скот. Выплата составляла от 4 до 6 процентов от суммы страховки за лошадей и от 4 до 4 с половиной процентов за коров, которые страховались от 10 до 400 рублей/коровы/и 300 рублей/лошади/. С 3000 рублей и выше страховался культурно-племенной рогатый скот, с 5000 рублей - племенные лошади. Владельцы племенных животных получали 9% от их страховки /ег.хр.1, л.202/.

Власти Нижнего тагила обратились к жителям с воззванием "не уничтожать телят без согласия на то земской управы и опорного/случного/пункта"/там же, лл161, 162/. Хозяевам, зарегистрировавшим телят, выдавали корм/ег.хр.13, л.518/.

По предложению верхотурского намечаемого земства председатель тагильской земской управы К.О.Рудый посылал во все волости Пермской губернии письма о сохранении племенного молодняка. Он писал: "Нижне-тагильский рогатый скот благодаря своей молочности давно уже пользуется широкой известностью. Чтобы дать возможность культурным хозяйствам Пермской губернии ознакомиться с хорошим племенным скотом", в тагиле был создан "при земском случном пункте племенной питомник для телят." Управа предлагала покупателям бычков и телок по своей цене. Цена зависела от возраста теленка. В 15 дней он стоил 300 рублей, месячный 700, в 15 месяцев три тысячи/ег.хр, 13, л.546; ег.хр.10, л.54/.

Благодаря мерам, принятым управой и ветеринарной службой в составе ветврача А.И.Романова, фельдшеров П.Е.Кожина и К.Е.Хорькова, служителя В.С.Кашина тагильская молочная порода крупного рогатого скота была спасена/ег.хр.13, л.418, ег.хр.2, лл.209, 215/. В марте 1920 года в тагиле насчитывалось 3020 коров на население 40 903 человека/ ф.323-р, оп.1, ег.хр.7, л2/.

4 октября 1918 года в Уфе с целью объединения для борьбы с большевиками и Красной Армией собрались делегаты от партий: "Великая Россия", "Единство", "Союз защиты Родины и Свободы", "Великорусский Союз", "Народная свобода", "Национальный центр" - и избрали "Инициативный комитет" из 13 человек. В его состав вошли Б. В. Савинков, А. А. Литков, И. С. Кривоносов, Ю. И. Крыжановский, Н. С. Григорьев, А. С. Белоусов и другие. Члены инициативного комитета должны были агитировать население вступать в новую организацию под названием "Национальный союз". Основные положения её будущей программы были обнародованы в "Декларации Всероссийского Национального союза", где наряду с вопросами о власти, об армии, о правах народов России стоял вопрос о земельной реформе.

Инициативный комитет был против национализации земли, против установления всеобщего права на землю, хотя признавал, что "...эксpropriация крупных частн. частных владений представляется необходимой и неизбежной." /И. Т. Ф. ГАСН, фр 401, оп. 1, ел. хр. 1, л 33/. Члены инициативного комитета считали, что государство должно выплатить вознаграждение бывшим владельцам земли. По их мнению, подъем сельского хозяйства возможен был при наличии "...многочисленных и прочих мелких крестьянских хозяйств" ... "на основе личной и общинной собственности" и увеличения посевных площадей. Эти меры способствовали бы улучшению прогосударственного положения в районах, занятых войсками Колчака. /там же/

Летом 1918 года в руках белогвардейцев и чехов находились Сибирь и юг Урала. В сентябре шли кровопролитные бои за Нижний Тагил. 4 октября Красная Армия оставила заводской поселок. Земство и земельные комитеты возобновили свою деятельность. Но 8 ноября 1918 года Областное правительство Урала упразднило земельные комитеты, передав их дела уездным и волостным управам. Все отчеты о земле шли в уездную управу с пометкой "земельный отдел" /там же, ел. хр. 12, дл 401-2/. Однако в Нижнем Тагиле с 22 ноября 1918 года был возобновлен земельный комитет. Но 3 янва-

ря 1919 года председатель Василий Александрович Плотников и его помощники Ф.Л. Муравьев и член управы Кашин отказались от своих обязанностей из-за отсутствия денег и "...правительственных земельных законоположений"/там же, ет.кр.10, д.28/. Они передали все дела управе, "предложив ей ...образовать стол для ежедневных занятий по земельным вопросам"/там же, д.27/а споры решать в общих и мировых судах.

В Нижне-тагильском филиале ГАСБ имеется материал о споре двух землепашцев. Соухов В.П. самовольно сжал полоску овса у Куликова "Ф." и потребовал у него весь урожай в земли, ранее принадлежавшей ему. Оба подали заявления друг на друга в волостную земскую управу. Управа предложила Куликову отплатить деньги за землю Соухову, а урожай оставить себе/г.12, д.229-232/.

На пашнях оставались ещё большие зерновые культуры. Хлеборобы волновались за урожай 1919 года. Они не знали, кому он останется при белых, смогут ли они обеспечить свою семью продуктами. К тому же нужно было содержать многочисленную армию Колчака. По законам военного времени жители исполняли пешие и конные повинности в Тагиле, в Лае, на ремонте Чусовского моста. За землю и лес платили налоги, которые возросли в 1919 году в три раза по сравнению с 1918 годом /там же, ет.кр.13, д.25, 30, 53; ет.кр.1, д.141, 157/. "Народная армия", как называли её колчаковцы, ежемесячно требовала от населения пожертвований в свою пользу. Помимо налога, был введен особый поземельный сбор. Дены на продукты питания росли, население голодало.

Начиная с зимы 1919 года колчаковское министерство земледелия предлагало всем волостям увеличивать весной посевные площади/ет.кр.1, д.42/. 8 апреля 1919 года Колчаком были подписаны два документа о земле: "Декларация российского правительства" и правила совета министров "О порядке производства и сбора посевов в 1919 году на землях, не принадлежащих посевицам"/ет.кр.1, д.157; ет.кр.13, д.51, 53, 55, 48/. Правительство заверяло крестьян,

что урожай будет принадлежать тем, кто обработал и засеял землю. Но самовольный захват земли запрещался. Тому, кто не применял наёмной силы на своих полях, обещали вернуть участки, конфискованные советской властью. Крупным владельцам предлагалось сдавать пашни в аренду за государственное вознаграждение, арендаторам же в будущем намечалось разрешить приобретение земли в полную собственность. В правилах совета министров подтверждалась ответственность лишь на урожай, но запрещалась передача земли в наследство. Пользователи земли предупреждались, что они не будут иметь в дальнейшем никаких прав на владение или пользование этой землей. "Правила противоречили декларации" в вопросе о собственности земледельцев.

Старосты обязывались вести строгий учёт всех посевных площадей и их изменений в "Книге для записи посевов," а также отчёт в волостные управы, а те - в вышестоящий по земельным делам совет. Он разрешал все спорные вопросы о земле, устанавливал размеры особого поземельного сбора и следил за выполнением установленных правил земледельцами / ер. хр. 1, л. 195/.

Эти правительственные законы защищали интересы арендаторов. В стране царил разруха. У крупных владельцев пустовали многие земельные участки. Колчаковское правительство понимало, что их могли бы использовать и обработать зажиточные трудовые люди, так была бы решена продовольственная проблема. Поэтому 12 апреля "Верховный правитель" телеграммой напоминал начальнику края в Екатеринбурге о переходе всех частновладельческих земель "в распоряжение государства с последующей передачей в аренду земледельческому населению" / ер. хр. 1, л. 179/.

На основании этих документов собрание хлеборобов в Нижнем тагиле 22 апреля 1919 года постановило сдать в аренду желающим: 1/ частные земли, 2/ свободные земли из общественных наделов, 3/ подходящие земельные участки от заводоуправления / ер. хр. 13, л. 52/.

Цены на земельные участки оставались такими же, какими они

были до 1919 года. Усадьбыные земли стоили 134 рубля 40 копеек, а пахотные и сенокосные - 9 рублей 33 копейки за десятину/ег.хр. 13, лл 27, 369, 529/.

Тем, кто хотел сеять, но не имел семян, управа вылавала удостоверение на их получение. Например, семенной овёс был отпущен С. Ф. Катаеву, владельцу пашни в 8,5 десятины, И. Е. Корякову, имевшему пашню в 4 десятины и А. Т. Гаёву, который владел полутора десятинами/ег.хр. 13, лл. 408, 411, 413, 425/.

Хлеборобы, присутствовавшие на собрании 22 апреля 1919 года, вынесли постановление о защите земледельцев от людей, "замечанных в воровстве сена, снопов, в ломании изгородей на пашнях и покосах." Нарушители должны были платить хозяевам за нанесённые убытки, прелаваться сулу, выселяться из Нижнего тагила/там же д. 52/.

Колчак и его правительство видели в арендаторах хозяев, которые могли бы поднять сельское хозяйство и стать опорой в восстановлении твёрдой власти в России. Они ввели арендные отношения на период гражданской войны. А будущее арендаторов было неясным, так как в правительственных документах не было египного подхода к их дальнейшей судьбе.

Из-за военных действий сократилось количество домашних животных. Рабочие Нижне-тагильского завода, вступая в Красную Армию, увозили с собой коня. Много лошадей погибло у тагильчан при ремонте Чусовского моста. Потеря домашнего скота приволила рабочую семью к гололу.

В феврале 1919 года в четырёх обществах Нижнего тагила: Александр-Невском, Свято-Троицком, Горбуновском, Фотиевском - насчитывалось 648 лошадей рабочего возраста, 76 лошадей от гола до рабочего возраста, 64 жеребёнка моложе одного гола, 22 быка, 70 свиней/ ег.хр. 13, л. 587/. А в одном Горбуновском обществе в марте 1919 года проживало 1290 человек, в Фотиевском - 200. Это значит, что не каждая семья в Горбуново и Фотиево имела домашний скот. Народ жил в нищете. Всего в тагиле проживало 49 901 человек /там же, л. 30/.

Г.Т. Грасмик

Мой отец - Теодор Александрович
Грасмик

В республике Немцев Поволжья почти в каждой немецкой семье была родословная, где освещалась история семьи с первых лет приезда в Россию. Такая родословная была и у нас. После революции ее тщательно прятали. При переселении в Сибирь родословную зашили в подушки. В начале 50-х годов престарелые тетушки моего отца (95 и 97 лет) передали ее мне на хранение как старшему в роду. Эти записки с готического шрифта были переписаны на Латинский, а затем моей тетей по материнской линии, Лотц Юлией Андреевной, переведены на русский язык.

Семья колонистов Грасмик приехала в Россию 7 августа 1763 года. Это были трудолюбивые крестьяне. В своих завещаниях некоторые из них писали: "Благодаря господу Богу и русскому народу живем хорошо".

В этой семье 19 августа 1869 года родился мой дедушка Грасмик Александр Львович, основатель династии хирургов.

Он в 1894 году закончил Дерптский университет (сейчас г. Тарту, Эстонская ССР) и женился на выпускнице Маринской гимназии г. Саратова.

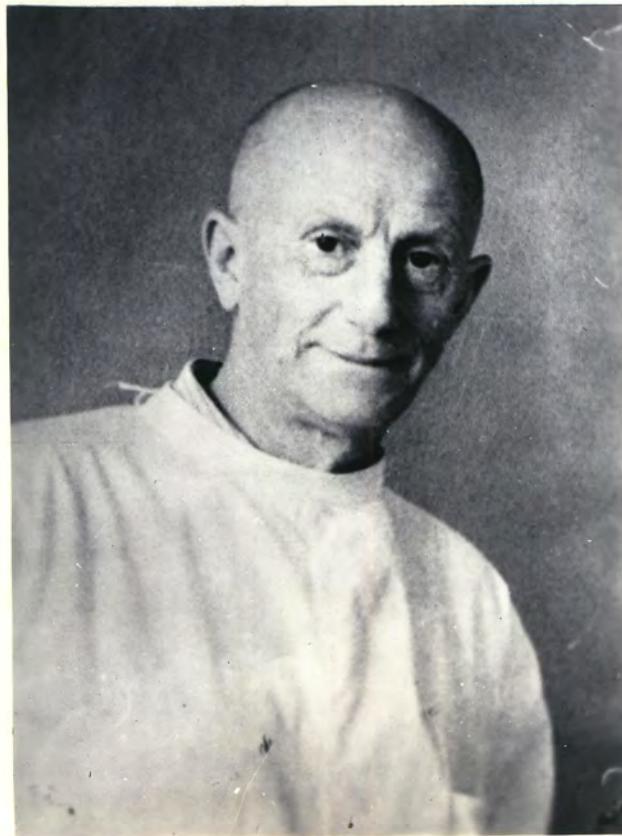
Обучил ее медицине, и она работала с ним как операционная сестра. Александр Львович в качестве земского врача в течение 2-х лет ездит вместе с женой по селам Самарской губернии и оперирует крестьян. В эту пору, 7 сентября 1896 года, и родился мой отец, Теодор Александрович Грасмик.

В 1898 году семья переезжает в Саратов. Мой дед вместе с доктором Бухгольцем строят на свои сбережения больницу, в которой бесплатно лечат бедных людей. В этом здании на улице Коммунарной в Саратове в настоящее время находится детская инфекционная больница: (Сведения о деятельности деда взяты из краеведческого музея Саратова).

Со временем мой дед стал крупным хирургом-гинекологом.

Александр Львович Грешин
/слева/ в операционной.
1910г., г. Саратов.

Теодор Александрович Грешин
1964г., г. Нижняя Тарла.

Раз в месяц по четвергам по очереди на квартирах друг у друга собиралось общество врачей; туда приходили знаменитые Спасокукоцкий, Юдин, фармакологи Скворцов, Богомолец, хирург Миротворцев, профессор Разумовский и другие.

Мой отец, Теодор Александрович Грасмик, в 1914 году закончил в Саратове гимназию и поступил на медицинский факультет Саратовского университета. Со второго курса он ассистировал Сергею Ивановичу Спасокукоцкому, который раз в неделю оперировал в больнице моего деда. В 1919 году, отец, не закончив медицинского факультета, добровольцем уходит на фронт и служит в Красной Армии до 1923 года. Значительное время он находится в войсках, сражавшихся с Колчаком и Деникиным, в качестве ординатора полевого подвижного госпиталя 31 Туркестанской дивизии.

Одно время он заведовал в Поволжье холерным баракком, и очень гордился тем, что не имел заражений холерой среди медицинских работников. В его подчинении был продотряд, который собирал из разрушенных помещичьих погребов старинные вина и коньяки. Ими медицинский персонал обеззараживал руки.

В 1923 году Теодор Александрович работал сверхштатным ординатором госпитальной хирургической клиники Саратовского медицинского института. В 1924 г. он заболел тяжелым зобом и отцом был направлен в г. Маркштадт АССР Немцев Поволжья. В 1925 году женился, в 1926 году родился я, в 1929 году мой брат Арно.

Как хирург и организатор Теодор Александрович творил чудеса. Маркштадская больница была образцовой не только в Поволжье, но и во всем Союзе. Не говоря о практической работе по хирургии, он впервые в мире сделал холецистодуоденостомию*. Позднее, в одном из журналов им была опубликована статья о вышеназванной операции. В 1935 году, в связи с успехами в лечении столбняка, отец был командирован в институт экспериментальной медицины (ВИЭМ) в г. Ленинград, где проводил исследования под руководством академика А. Д. Сперанского и написал соответствующую научную работу.

* Холецистодуоденостомия - соединение общего желчного протока с двенадцатиперстной кишкой при желчнокаменной болезни.

- 3 -

В 1929 и 1936 годах он выступал на Всесоюзных съездах хирургов. В 1936 году за успехи в практической медицине и за научную работу Теодору Александровичу была присвоена ученая степень кандидата медицинских наук.

х х х х

1937 год наша семья пережила тяжело. Четыре дяди по материнской линии были репрессированы и погибли. В настоящее время все посмертно реабилитированы. Я хорошо помню этот год, мне уже было 11 лет.

Отец в то время писал докторскую диссертацию о столбняке. Из животных этой болезнью заражаются только кролики и суслики. Теодор Александрович заражал их анатоксином. Человека заразить столбняком при помощи анатоксина невозможно. В медицине его применяют для профилактики этой болезни.

На отца поступил донос, что он якобы выписывает анатоксин для заражения столбняком людей, чтобы потом на них проверить свои методы лечения этого заболевания карболовой кислотой. Хорошо, что в НКВД были и честные люди. Один работник НКВД, когда они с отцом охотились на дроф в степи, где за двадцать километров не было ни души, сказал ему о доносе. При обыске анатоксин не был найден, а кролики и суслики были заблаговременно уничтожены. Так Теодор Александрович был спасен от репрессии.

Второй донос был о том, что доктор читает немецкую литературу, выписывает журналы из Германии и чуть ли не немецкий шпион. Как-то в летнем туалете я нашел немецкие книги, вымыл их в речке и принес домой, считая, что кто-то их случайно выбросил. Отец вторично их уничтожил и был спасен от заключения. В 1940 году, во время ослабления репрессий, Теодор Александрович был принят в партию. В этом же году ему было присвоено звание Заслуженного врача АССР Немцев Поволжья.

По материалам Маркшадской участковой больницы Теодором Александровичем написаны 24 работы. Изданы они не были. Готовая диссертация о столбняке так и не была разрешена к защите.

Из Академии медицинских наук отец ее взял в шестидесятые годы. Оттиски всех работ Теодора Александровича и докторская диссертация хранятся в нашем семейном архиве.

В детстве, в удаленные части задумки при лаво (вероятно хирургии тех лет). Были в уникальном операционном удаленные мушкетеры х х х х хости четырехлетней давности, удаленные матки с омертвевшими плодом десятилетней давности. При

На второй день Великой Отечественной войны Т.А. Грасмика мобилизовали в Красную Армию. Имея звание военврача I-го ранга, он был назначен главным хирургом эвакогоспиталей г. Энгельса.

Затем Указ, выселение в Сибирь.

Дети полные охотники на Землях куропаток, ставили силки на зайцев. За охотничьи х х х х хосты охотников и районоброс-

На основании Указа от 28 августа 1941 г. мы были эвакуированы в Сибирь. Выселение производилось поспешно, некоторые семьи уехали без зимней одежды, в легком платье.

Путь из г. Энгельса проходил через Уральск, Джамбул, Алма-Ату и далее - на север до ст. Татарская, и, наконец, мы оказались в селе Андреевка Алтайского края. Эвакуация длилась более двух недель, создавалось впечатление, что власти не знают, куда девать наш эшелон. Вагоны переполнены. Были случаи самоубийства, старые люди бросались под поезд.

Теодор Александрович отвечал за санитарное состояние эшелона. Наша семья ехала в вагоне-медпункте, здесь же находилась акушерка и принимались роды. Были и раненные. На некоторых станциях поезд стоял подолгу и отправлялся без предупреждения. Люди, ушедшие на поиски пищи, запригивали на ходу, получая при этом повреждения. Только на крупных станциях выдавалась горячая пища.

Шел суровый 1941 год. Занятия в школе (я был в восьмом классе) опаздывали на два месяца. Дети, помогали фронту, с женщинами завершали затянувшиеся сельхозработы, готовили пельмени, замораживали их и в посылках отправляли на фронт защитникам Родины.

Случилось так, что за всю историю старинного сибирского села в нем не было хирурга. Деревенские ребята называли Теодора Александровича "хирург". В тяжелейших условиях, в непригодном помещении он создал операционную. Не было скальпелей, мало инструментов, отец оперировал своей единственной бритвой.

- 0 -

С октября 1941 года по март 1942 года Теодор Александрович сделал более 100 операций. В домашнем архиве сохранен их перечень. Это было и кесарево сечение, и грыжесечение, и удаление части желудка при язве (вершина хирургии тех лет). Были и уникальные операции: удаление мумифицированной конечности четырехлетней давности, удаление матки с омертвевшим плодом десятилетней давности. При таких запущенных болезнях в Нижнем Тагиле в конце прошлого столетия оперировал доктор медицины Петр Васильевич Кузнецкий. В Андреевском районе в Сибири экстренная хирургия была создана в военные годы.

Дети медиков охотились на белых куропаток, ставили силки на зайцев. За сданные шкурки в обществе охотников и райпотребсоюзе получали сети. Долгими сибирскими вечерами при плошке мы расплетали рыбацкие сети для шовного материала операционной.

В марте 1942 г. Теодора Александровича взяли в трудовую армию.

x x x x

В трудовой книжке Т.А. Грасмика, есть запись от 10 мая 1942 года: "Приволжлаг НКВД СССР. Зачислен на должность врача-хирурга Буинского отделения. Распоряжение ОУРЗ ГУЛАГ № 42/56005". Больше никаких документов нет. Из автобиографии и воспоминаний известно, что отец в трудовой армии был главным врачом госпиталя железнодорожного строительства НКВД Ульяновск-Свияжск. Это был огромный строительный отряд, сформированный из молодых немцев-фронтовиков, кадровых военных. Они писали Сталину, что хотят на фронт, дезертировали из трудовой армии на войну. Сталин им отвечал, что трудовая армия-это тоже фронт. Необходимо построить железную дорогу Казань-Сталинград, так как Волга замерзает и доставлять войска, технику и боеприпасы для разгрома немцев под Сталинградом можно только по железной дороге. Дорога, которую строили трудовые армейцы, была готова в срок. Построена она на костях. Люди умирали от голода. Работая в госпитале, Теодор Александрович из Казанского мясокомбината получал кровь рогатого скота. Он организовал производство гематогена в кустарных условиях и лечил трудовые армейцы. Огромная смертность была в основном от дистрофии. Эпидемий сыпного тифа и кишеч-

- 6 -

ной инфекции не было. Отец после окончания строительства 21 ноября 1944 года был переведен в Тагиллаг НКВД СССР, в лагерь "АИ МВД, и зачислен на должность врача-хирурга поликлиники", - вот такие доконечные записи в трудовой книжке. А на самом деле это трудовая за колючей проволокой на Первой площадке Тагилстроя, около бетонного завода с охраной собаками, со строгой пропускной системой. Военнопленные немцы свободно ходили по улице Ленина с духовым оркестром, пели свои народные песни, строили 32-й и 33-й кварталы улиц Ленина-Мопра (Мира), а советские немцы были за колючей проволокой на строгом режиме и умирали с голода. Эти лагеря я видел в начале сентября 1945 года.

Трудовая для Теодора Александровича закончилась 25 марта 1946 года. В трудовой книжке записано: "Переведен в распоряжение Н.Тагильского горздравотдела". Он был назначен заведующим хирургическим отделением второй Советской больницы.

В те годы я был студентом второго курса Новосибирского медицинского института, а на каникулы приезжал в Н.Тагил.

x x x x

Вторую Советскую больницу я хорошо знаю с лета 1946 года, когда студентом-медиком, владея немецким языком, заполнял историю болезни военнопленных.

Наша семья жила в доме врачей. Теперь это здание разрушено, на его месте строится санбаклаборатория. Соседями по квартире были Лидия Павловна и Нина Павловна Кипарисовы с родителями. На втором этаже жили Валериан Васильевич и Софья Васильевна Гербуновы с дочерью Леной, Сергей Александрович Боташев с семьей, Михаил Карпович Рабинович, Антонина Алексеевна Зяблицева с дочерью Лерой, Сима Моисеевна, ныне здравствующая, с сыновьями Беней и Додиком (семья уже в то время покойного Арона Григорьевича Стерна) и другие.

На протяжении многих лет я наблюдал и изучал славные традиции второй больницы. Видел и негативные стороны. Помню страдания Л.П. Кипарисовой, которая в годы репрессий тайно встречалась с мужем, а публично должна была осуждать его как врага народа.

- 7 -

Тяжело было видеть Евгения Маврикиевича Нейенбурга, нашего главного врача, снятого с работы. Мы на собраниях клеймили врачей еврейской национальности: в то время шел процесс врачей, "изменников Родины". Мы пережили судебный процесс Тамары Диадоровны Николаевой и исключение из партии Василия Максимовича Погребняка, который, будучи работником МВД, помогал "врагу народа" Тамаре Диадоровне. Для меня лично самым светлым днем жизни стало 24 декабря 1954 года. Тогда (в который раз!) меня вызвали в комендатуру МГБ и сказали, что я полноправный гражданин Советского Союза и освобождаюсь от подписки о невыезде. Чтобы была понятна моя радость, я напоминаю Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года, опубликованный в "Ведомостях Верховного Совета СССР" (№ 51, 1948 год), в котором говорилось о том, что немцы, калмыки, ингуши, чеченцы, финны, латыши и др. переселены в предоставленные районы навечно и что выезд их с мест поселения без особого разрешения органов МВД карается каторжными работами до 20 лет.

Меня поблагодарили за дисциплинированность и направили в месячную командировку в г. Ленинград. Через 13 лет жесточайшего надзора я второго января 1955 года со слезами на глазах гулял по Невскому проспекту.

В таких же условиях работал и Теодор Александрович. Он очень любил охоту и, чтобы выехать из Н.Тагила на расстояние восьми километров, брал письменное разрешение коменданта спецпоселения.

Нужно было выжить и в таких условиях, устроить сыновей после окончания Новосибирского мединститута. Отец написал кандидатскую диссертацию заведующему горздравотделом. Таким образом я оказался во второй городской больнице, а брат Арно - в первой городской. И брат всю жизнь проработали на одном месте, имея одну запись в трудовой книжке.

х х х х

Теодор Александрович 17 ноября 1947 года по распоряжению горздрава был переведен в Ленинский райздравотдел и назначен заведующим хирургического отделения 3-й советской больницы. В здании, где недавно размещался госпиталь, на базе больницы ВМЗ он создал образцовое хирургическое отделение. Оперировал почти все, не любил специализацию в хирургии.

- 0 -

С ним тяжело было жить. Спал он не более четырех часов в сутки. Обладая тревожно-мнительным характером, звонил по телефону и днем, и ночью. Работал без выходных. Уходя на охоту, выбирал маршруты, где были телефоны (железная дорога, другие ведомственные отделения связи). Работая по пятидневке, по субботам, где бы он ни был, всегда посещал хирургическое отделение. По свидетельству врачей (Филатовой, Мироновой, Вахромовой) и учеников, он плакал на работе, видя страдания пациентов. Некоторые считали его больным. Он деньгами помогал студентам, больным костно-суставным туберкулезом, лежащим годами в отделении. У меня в кабинете висят репродукции картин студента художественного училища, который ежемесячно получал от Теодора Александровича по 200 рублей (в те годы это были большие деньги) и молодой человек смог закончить учебу.

Были и другие случаи когда отец из своей небольшой зарплаты помогал пациентам деньгами.

Старый Грасмик был основоположником легочной хирургии в начале 30-х годов не только в Н.Тагиле, но и в Свердловской области. У Аркадия Тимофеевича Лидского была большая смертность при этих операциях, а затем он перестал их делать. Теодор Александрович создал коллектив врачей: Чайковский Гарри Николаевич, Голованова Анна Васильевна, Куликова Нина Яковлевна, Ожиганова, которые в третьей городской больнице и в туберкулезном диспансере сделали около 230 операций на легких при минимальной смертности больных. Смертность была как сейчас при остром аппендиците. Материалы об этих операциях опубликованы в Казанском медицинском журнале.

х х х х х

Последние годы жизни отец работал опять во второй городской больнице, так как в третьей была ликвидирована хирургическая служба. При специализации руководство второй городской больницы не хотело, чтобы он работал в хирургии. Ему в 60 лет, в расцвете творческих сил, предложили уйти на пенсию. В тот застойный период из хирургического отделения уволилась В.П. Дятлова и стала работать в онко-диспансере. Ушли из отделения В.М. Погребняк, Л.П. Лкимец,

К.Э.Никитина, кратковременно уходил Л.Н. Воробьев. Меня, хирурга высшей категории, перевели в поликлинику, и трудясь в объединенной городской больнице, я 17 лет лишен был возможности работать в хирургическом стационаре. Отец очень переживал все это.

Теодор Александрович Грасмик умер в 78-летнем возрасте от рака печени. Диагноз он поставил себе сам. Это был первый случай заболевания этой болезнью в поколении Грасмиков. Перед смертью Теодор Александрович прооперировал внука, считая, что лучше его это никто не сделает. С сыном - онкологом играли в "кошки-мышки", оба убеждали друг друга, что рака нет. Во время тяжелой болезни не принимал наркотических средств и за несколько часов до смерти выплюнул порошок промедола. Никогда не говорил, что рак заразен.

И последнее, бóльшему отцу, знающему свой диагноз, предложили работать в онкологическом кабинете вместо меня, когда я имел трехмесячный отпуск для подготовки кандидатской диссертации. Это усугубило его заболевание.

Я, как онколог с 40-летним стажем, знаю, почему у отца возник рак, но это тема для другого разговора.

Хирург Т.А. Грасмик проработал почти 60 лет, но за свой труд не имел никаких наград. Пенсию он получал менее 120 руб. И только к пятидесятилетию Советской власти по линии партии был награжден орденом "Знак Почета", как ветеран Гражданской войны.

Тагильчане помнят добрые дела Теодора Александровича, отблагодарили его невиданными похоронами. С тех пор прошло 10 лет, но могила отца всегда ухожена, и на ней живые цветы от благодарных пациентов и их родственников.

Представляем нового автора

РУНГ Вольгемар Втуарович родился в 1911 году в г. Саратове. В 1929 году окончил среднюю школу и одновременно защитил диплом на звание сельского учителя. В последующие годы работал сельским учителем, служил в армии, учился в Казанском медицинском институте, который закончил в 1941 году.

На долю Вольгемара Втуаровича выпали жестокие годы репрессий. Это коснулось и его лично.

В 1948 г. приказом Из Волжлага врача Рунга направляют в г. Нижний Тагил, где он работает терапевтом в различных лечебных учреждениях треста "Тагилстрой" до 1962 года.

В 1962-1987 гг. Вольгемар Втуарович возглавляет медицинскую службу санатория "Рун", являясь главным врачом. Многие пациенты отзывались о нем как о хорошем диагносте, опытным и внимательном враче, отзывчивом человеке.

В настоящее время персональный пенсионер Рунг В. В. несмотря на плохое здоровье, активно участвует в работе общества "Мемориал", занимается краеведением. Он награжден орденом "Знак Почета" и различными медалями, в том числе "за доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг."

Вольгемар Эгуартович Рунг,
врач, персональный пенсионер.

"МАЛАЯ АКАДЕМИЯ"

И ГОРБУНОВСКИЕ

ГРЯЗИ

В период Великой Отечественной войны в Нижнем тагиле находились немцы, мобилизованные в трудовую армию в основном из АССР Немцев Поволжья. Из них было создано два отряда. Один располагался на УВз, другой /стройотряд №1874/ был в ведении треста "тагилстрой". Этот отряд был разделён на две части. Одна часть локализовалась в посёлке бетонного завода, другая - в посёлке кирпичного завода, где имелась больница. На кирпичном заводе, помимо кирпича, делали глиняную посуду: миски, чашки.

Многие трудовые армейцы, работники кирпичного завода, имели высшее образование, были среди них и учёные. Так, например, секретарём-статистиком работал палеонтолог профессор Валер Отто Николаевич; его супруга, кандидат наук, была поваром. Пауль Эмильевич Риверт, учёный-химик, был мастером ОТК. Борис Викторович Раушенбах, тогда кандидат математических наук, числился в отряде, но работал на Московском авиастроительном заводе №293 инженером. Кандидат наук Стромберг Армин Гейнрихович - мастером сушильного цеха.

Все эти люди, включая и меня, составили кружок, в который был доступ всем желающим, и назвали его "Маленькая академия". Профессор Валер О.Н. делал сообщения об эволюции человеческого общества и его культуры с древнейших времён. Я рассказывал о развитии человека, начиная с древнейших особей. Б.В. Раушенбах делился своими знаниями о космосе и истории его исследования. П.Э. Риверт просвещал нас в области химии, минералогии, рассказывал о сапропелях бывшего Горбуновского озера. Такие занятия не позволяли нам погрязнуть в безразличных буднях.

По просьбе нижнетагильского и краеведческого музея Отто Николаевич Валер проводил раскопки на Горбуновском торфянике. Ему по-

могали В.В.Раушенбах, П.Э.Рикерт и ещё кое-кто, кому позволялось поглядеть воню. Во время работы Пауль Эмильевич обратил внимание на илистое болото, расположенное в центре торфяника. Он сделал заключение, что грязи этого болота /сапропели/ целебны и могут быть использованы для лечения людей и животных.

О применении сапропелей на практике могу сообщить следующее. Будучи начальником медсанчасти треста "тагилстрой", я настоял, чтобы в соседнем с поликлиникой доме, в цокольном этаже, организовали грязелечение, где стали пользоваться горбуновскими грязями. Результаты были хорошие. Сейчас, 30 лет спустя, от этой грязелечебницы ничего не осталось.

Осенью 1962 года меня перевели в санаторий "Руш" на должность заместителя директора, фактически главным врачом. В санатории применялись сапропели, добываемые со дна озера Молтаево. Сапропели же ~~еще~~ местные исследованы не были. Мы решили пробы этих илов направить в научно-исследовательский институт курортологии в г. Свердловск. Одновременно отправили и пробы с озера Молтаево. В Свердловске подтвердили заключение П.Э.Рикерта о том, что горбуновские сапропели имеют лечебное свойство, причём они более высокого качества, чем молтаевские.

Пауль Эмильевич Рикерт сделал очень важное открытие. Горбуновскими сапропелями пользуются не только в грязелечебницах Нижнего тагила и санатория "Руш", но и в соответствующих лечебных заведениях всего региона.

Э.П.Дистергефт

ПАМЯТЬ О ДРУГЕ

(Выступление 7 декабря 1989 года на вечере в Нижнетагильском музее изобразительных искусств, посвященном памяти Е.Л.Кронмана и В.А.Лотар-Шевченко.)

Сегодня, если говорить словами Екатерины Николаевны Карамзиной, я имею "горькую сладость" поведать людям о своем учителе и человеке, с которым меня связывала верная и нежная дружба долгих семнадцати лет.

Я постараюсь рассказать о его сложной, по сути сломленной непрерывной цепью репрессий судьбе, судьбе талантливого человека, испившего до дна чашу истязаний физических и нравственных, унижения человеческого достоинства.

Не востребуемые обществом накопленные им знания, опыт, жизненный потенциал, должны были сделать его ученым. Он мог стать доктором искусствоведения, профессором университета, автором многих книг по теории и истории изобразительного искусства, музееведом... Но... Увы! Ничего этого не произошло в его жизни.

Начну с автобиографии, написанной Евгением Леонтьевичем 12 ноября 1949 года и сохраненной в архиве Нижнетагильского музея изобразительных искусств.

(Примечание редакции: текст воспроизводится с сохранением орфографии и пунктуации подлинника.)

х

х

х

АВТОБИОГРАФИЯ
КРОНМАН ЕВГЕНИЙ ЛЕОНТЬЕВИЧ

Родился 7 апреля 1907г. в г. Белосток (Зап. Белоруссия). Еврей. Беспартийный. Ранее в ВКП(б) или других партиях не состоял.

Родители: до революции - отец - мелкий служащий, мать - народная учительница, после 17 года: отец - служащий (умер в 1947г.), мать - школьная учительница (ум. в 1941г.).

В 1914 году, в связи с начавшейся первой мировой войной, семья уехала на родину отца г. Нижний Новгород (Горький). С 1920 года жил в Москве и в 1925 году поступил на Отделение теории и истории искусства Историко-этнографического факультета 1 Московского государственного университета. Университет закончил в 1929 году и был оставлен при кафедре Западно-европейского искусства. С 1926 года работал в ряде музеев (музей этнографии и искусств в 1 МГУ, истории искусства XVIII века, историко-архивном институте в Керчи, музее ново-западного искусства в Москве). В 1934 году закончил искусствоведческую музейную аспирантуру и утвержден в звании старшего научного сотрудника 1 разряда.

Временно с 1930 по 1935 год работал в редакции Большой Советской Энциклопедии, последние годы помощником редактора, нач. отд. изобразительного искусства; 1934-35гг. работал старшим научным сотрудником музея ново-западного искусства и в издательстве "Изобраз". Напечатал за это время ряд статей по вопросам искусства в журналах "Искусство", "Творчество", "Марксистско-Ленинское искусствознание" и других журналах, в газете "Советское искусство", ВСЭ и других изданиях.

В 1936 году ОС НКВД был привлечен по ст. УК 58, п. 10 и приговорен к 5 годам ИТЛ.

В 1936-41гг. работал на предприятиях Воркутстроя НКВД в качестве горнорабочего и геологоразведчика. В 1941 году, по возвращении, Комитет по делам искусств вновь направил меня на работу по основной специальности - искусствоведа.

Отечественная война застала меня в Ялте, где я был экскурсоводом на выставке работ московских художников.

В 1941 году был призван в РККА и зачислен в инженерные войска. Участвовал в боях на Южном фронте (Крым, Северный Кавказ). В плену, окружении и оккупации не был. Летом 1942 года, после вторичной контузии был с командой выдвигавшийся направлен на работу в оборонную промышленность в Кузбассе, где был демобилизован и забронирован за угольной промышленностью на шахте №4 треста "Молотовуголь", комбината Кузбассуголь, в качестве горнорабочего и моториста подземной вентиляции до 1945 года.

После окончания Отечественной войны по требованию Комитета по делам искусств был уволен из угольной промышленности и отозван в Москву, откуда Комитетом был направлен на работу в качестве старшего научного сотрудника в г. Молотов.

С 1945 года по 1.1X.1948 года работал в Молотовской художественной галерее в качестве заведующего отделом западно-европейского искусства.

Осенью 1948 года по приглашению молотовского союза советских художников организовал художественную студию молотовского товарищества "Художник". За годы пребывания в Молотове принимал участие в работе молотовского союза советских художников, читал курсы истории искусства в студии молотовского Драм. театра, молотов. гос. хореографического училища и молотовского Пед. института. Написал ряд статей и заметок для местных газет, радио и для каталогов выставок Молотовской Гос. художественной галереи. Подготовил к печати текст путеводителя по экспозиции галереи. Несоднократно читал лекции через городское лекционное бюро по русскому изобразительному искусству.

Весной 1949 года по приглашению директора Нижнетагильского музея изобразительных искусств и с ведома Комитета по делам искусств переехал в Н. Тагил. С марта по июль 1949 года преподавал историю искусства в Уральском художественно-промышленном училище в Нижнем Тагиле.

С лета 1949 года сотрудничаю в качестве консультанта в Н. Тагильском музее изобразительных искусств. Член Молотовского союза художников с 1945 года.

Подпись.

Е. Кронман.

12 ноября 1949 года.

Сорок лет!

В этой автобиографии только правда, но... Время заставляло многое не договаривать или писать одно, а думать и знать — другое.

Как близкий человек, от которого ничего не таят, я знала ВСЮ правду. И вот как она читается между строк.

В конце 1935 — начале 1936 годов по инициативе Сталина был расформирован Государственный музей ново-западного искусства. Шедевры раздали в Эрмитаж, музей имени Пушкина, в некоторые областные картинные галереи; огромное количество произведений ушло за бесценок в руки иностранных коллекционеров... А некоторых сотрудников постигла участь героя романа Домбровского "факультет ненужных вещей" Георгия Николаевича Зыбина. Только у Зыбина хватило силы и мужества выдержать испытания допросами, побоями, длительной голодовкой и не подписать ложных измышлений следователя. А Евгений Леонтьевич Кронман не выдержал. "Признал" связь с троцкистами. Был осужден Особым совещанием и этапирован в лагерь, в Воркуту. А в 1941 году, когда закончился срок пятилетнего заключения, его не прописали в Москве, хотя и мать, и отец были еще живы и жили в своей небольшой квартирке. Евгению Леонтьевичу пришлось уехать подальше от столицы, в Крым, оформившись на временную работу экскурсоводом на выставку московских художников. (Это с законченной аспирантурой Московского гос. университета!)

И дальше: летом 1942 года, после двух контузий и боев, пришедшихся на его долю, из госпиталя его не "направляют в Кузбасс", а просто мобилизуют на работу в угольную промышленность, где снова — конвой, проволока и все "прелести" лагеря.

"В 45-м уволен из угольной промышленности". Читая: демобилизован, освобожден. Но Москва для него по-прежнему закрыта (до 1972 года в столицу не прописывали репрессированных).

Вот тогда Евгений Леонтьевич перебирается в Молотов (просто язык не поворачивается называть так город Пермь), устраивается в картинную галерею. Наконец-то после десяти каторжных лет он будет работать искусствоведом в большом музее, где ему дадут крохотную комнатку! Забирает из Москвы свою собранную еще в юные годы библиотеку и с радостью приступает к работе. Читает лекции, пишет статьи, готовит текст путеводителя по музею... Но директор галереи, реакционер (в прошлом белый офицер)

и антисемит по натуре, желает, чтобы этот труд вышел под его именем. Естественно, Кронман протестует. Тогда Серебренников вышвыривает его из галереи.

Евгений Леонтьевич начинает лихорадочно создавать студии искусства в хореографическом училище, в драматическом театре, читает лекции через лекционное бюро, но... из комнаты выгоняют, определенного места работы нет... Нужно уезжать. Только куда? Он едет в Москву, в Министерство культуры, где случайно встречает М.П. Крамского, от которого узнает, что в художественном училище Нижнего Тагила нет преподавателя истории искусства.

И вот в марте 1949 года переезжает в Тагил. Но и здесь не все так гладко, как хотелось бы: уроков мало, отпускные не начислены (работал только три месяца), нет вакансии в музее. Месяц, подрабатывает по договору в музее, с осени в художественном училище, лекции через бюро, что-то в пединституте, в клубах (дворцы культуры еще только собираются строить), читает лекции в школах, на избирательных участках, в ремесленных училищах, в кинотеатрах перед сеансами. Аудитории совершенно не подготовлена к восприятию серьезной лекции, люди входят, выходят, разговаривают. И Евгений Леонтьевич уставал, снижал, терял веру в лучшее будущее...

Каким же он был, Евгений Леонтьевич Кронман?

Он был небольшого роста, широкоплечим, держался прямо, курил трубку. Был всегда подтянутым, спортивным. Любил солнце, воду; был отличным пловцом. Легко мог проплыть от лодочной станции до Руша. Любил дальние походы и вместе с нами бывал на Медведькамне, на вершине Голого камня, на Евстонихе, в Висиме, на Иридии.

А человеком он был очень интересным: самозабвенно любил искусство, много читал, был в курсе всего нового в литературе, поэзии.

"Нашумевшую" автобиографию Евг. Евтушенко, речь Паустовского на собрании Союза писателей в защиту Дудинцева и его романа "Не хлебом единым", только рождавшиеся главы книги "Люди, годы, жизнь" Ильи Эренбурга, новые стихи Галича, Кукина, Слуцкого и многое другое мы узнавали впервые от Евгения Леонтьевича. Съездит в Москву, к друзьям, и обязательно привезет что-то новое. Он учил нас любить и понимать поэзию Пастернака, Заболоцкого, Цветаевой, Ахматовой.

Был живым, веселым, увлекающимся, импульсивным, иногда все и льчивым. Любил острый разговор, ценил шутку, умел спорить и аргу-

ментированно доказывал свою правоту. Он без предварительной подготовки, подобрав только иллюстрации, мог прочесть лекцию о любом периоде изобразительного искусства. Легко входил и на одном дыхании, увлекая слушателей живой образной речью, читал людям интересующимся, умеющим слушать. Но сникал, "потухал", если видел пустые глаза, сонные лица. Очень болезненно переживал такие неудачи.

Особенную радость доставлял Евгению Леонтьевичу лекторий в музее изобразительных искусств (в годы его перестройки с 1954 по 1960 гг.); раз в неделю обычно собиралось 25-30 человек любителей искусства и поклонников Е.А. Кронмана. Несколько циклов лекций (древне-русское искусство, искусство Китая и Индии, западно-европейское искусство) были прочитаны в этом лектории. Эта работа доставляла Евгению Леонтьевичу истинное наслаждение, была своего рода "отдушиной", делом, которому он служил всю жизнь.

Однако, большой радости не доставляли ему лекции по современному искусству "социалистического реализма". Ура-патриотические громоздкие полотна А. Герасимова "Сталин и Ворошилов в Кремле", лакировочные картины Лактионова вроде "Переезда на новую квартиру" или "Обеспеченная старость" Шурпина, знаменитое "Утро нашей Родины" вызвали у Евгения Леонтьевича раздражение и, как он говорил, "СКОМИНУ".

Теперь, пожалуй, пора рассказать о жене Евгения Леонтьевича - Терезе Осиповне Соломоновой. Эта удивительная женщина прошла вместе с мужем все круги дантова ада, прожив с ним 22 года, разделив все невзгоды, выпавшие на его долю, была ему не только женой, но и самым лучшим другом.

Тереза Осиповна родилась в 1903 году в семье известного врача. В свое время она окончила физико-математическое отделение Московского университета. Преподавала. А в 30 лет решила непременно стать врачом и в 1933 году поступила в 1-й Московский медицинский институт.

1 мая 1936 года, когда все "добропорядочные" студенты отправлялись на первомайскую демонстрацию, она плохо чувствовала себя и осталась в общежитии, готовясь к экзамену...

Донос об этом факте в НКВД решил ее дальнейшую судьбу. Сначала вызов на Лубянку, затем суд Особого совещания и этап в Воркуту, тот самый, которым следовал и Евгений Леонтьевич.

Они познакомились в море на корабле, забитом до отказа заключенными. Антисанитарные условия вызвали жесточайшую эпидемию дизентерии. Тереза Осиповна как медик, понимая остроту ситуации, обратилась к капитану, удрученному бедствием, и предложила в ближайшие дни ликвидировать эпидемию при условии, если он согласится подчиниться ее требованиям. Капитан оказался человеком умным, и вместе они очень быстро оздоровили обстановку на корабле.

Евгений Леонтьевич был в числе больных. Он обратил внимание на умную, энергичную, волевою женщину, обладающую большим организаторским талантом.

Тереза Осиповна и Евгений Леонтьевич.
1952 год.

Они быстро подружились и договорились выдавать себя за супругов. Потом дружба перешла в любовь и, освободившись из лагеря, они поженились.

Уже после лагеря, в 1942-м, когда Евгения Леонтьевича "мобилизовали" на работу в угольную промышленность, она поехала за ним. А в 47-м, в Перми, работая медсестрой, закончила (после

такого перерыва!) медицинский институт.

В Тагиле работала врачом-патологоанатомом, организовала первую в городе гистологическую лабораторию при третьей городской больнице. Т.О.Соломонова была очень хорошим врачом и прекрасным человеком.

Она умерла в одночасье от инфаркта в 1958 году. Видели бы вы, в какую демонстрацию вылились ее похороны!

x x
x

С Евгением Леонтьевичем и Терезой Осиповной мы встретились буквально в первые дни нашего переезда в Тагил, в 1951 году.

Причиной для переезда послужило желание Михаила Васильевича завершить художественное образование, начатое до войны в Ленинграде. Не институт, так хотя бы училище. Чтобы определиться в художественное училище, необходимо было держать экзамен на 5-й курс. Специальные предметы (рисунок, живопись) не вызвали тревоги, а вот историю искусств нужно было повторить, за десять лет многое забылось. Нужны были книги. Посоветовали обратиться к Кронману. Вот мы и отправились вдвоем на главную горку (Ленина, 15, кв.1), где тогда жил Евгений Леонтьевич.

Михаил Васильевич вошел в дом один, я дождалась его в сквере. Вдруг муж появился с сияющим лицом и просто потянул меня за руку на второй этаж. За полчаса Михаил Васильевич сумел расположить хозяев к себе, и они пригласили нас к обеденному столу. Там мы и просидели у них до глубокого вечера, отвечая на вопросы заинтересовавшихся нашей судьбой хозяев. Ушли от них, нагруженные книгами, в восторге от радужных, умных, веселых людей.

Экзамен был сдан успешно. А дружба продолжалась долгие годы. Общение сделалось потребностью. Виделись мы почти ежедневно. И все праздники проводили вместе. И каждый раз, когда мы бывали у Кронманов, на стол торжественно постилась заветная холщевая скатерть, которую украшали подписи сидевших когда-то за столом друзей, однокашников, добрых знакомых. Подписи,

сделанные карандашом, затем вышивались красными и черными нитками стебельчатым швом, сначала мамой, а потом Терезой Осиповной. Была там размашистая подпись Льва Кассиля, искусствоведов с мировыми именами: Федорова-Давыдова, Лебедева, Алпатов, Чегедаева; актеров: Якута, Александрова, Мартинсона, Липского и многих других.

В доме Кронманов, с высокими потолками, было очень скромно, если не сказать — бедно. Только одна роскошь — это Библиотека. Ее нужно было видеть! Открытые полки от пола до потолка по всей длине большой комнаты, плотно уставленные книгами, книгами по искусству. Как любил говорить хозяин, "от бизона — до Барбизона." Библиотека включала в себя всю историю и теорию изобразительного искусства с древнейших времен до наших дней.

В.Л.Кронман у своих книг.
1957 год.

Собирал ее Евгений Леонтьевич с ранней юности до последних дней своей жизни с целеустремленностью и упорством, достойными уважения и восхищения. В собирательстве ему помогали московские друзья-искусствоведы, одаривая своими только что изданными книгами, сопровождая их автографами и трогательными дарственными надписями.

Евгений Леонтьевич, как одержимый, следил за выходом в

свет новой литературы, не упуская ни малейшей возможности пополнения своей библиотеки. Он мог ходить в потертом пальто, подшитых валенках и штопаной рубашке, но у него всегда были деньги на нужную ему книгу.

Ни отдел изобразительного искусства центральной городской библиотеки, ни библиотеки музея изобразительных искусств, художественного училища, пединститута не шли ни в какое сравнение с библиотекой Евгения Леонтьевича Кронмана. Он давал книги только очень близким друзьям, боясь утраты любой из них. Ни одну из них нельзя было потерять без ущерба для библиотеки в целом. Не зря на шкафу было прикреплено шутовское четверостишие:

"Не шарь по полкам задним взглядом,
Здесь не даются книги на дом,
Лишь безнадёжный идиот
Знакомым книги отдаёт..."

К немногим он был щедр, но нам с Михаилом Васильевичем разрешалось брать все, "чего душа вождает".

Нижние полки стеллажа занимали папки с конспектами лекций, начиная с университетских, там же хранились материалы, копившиеся к так и не состоявшейся диссертации.

Библиотека Евгения Леонтьевича насчитывала, я думаю, примерно 1,5 тысячи томов, а может быть и больше и была УНИКАЛЬНА. Она должна была стать памятником искусствоведу Евгению Леонтьевичу Кронману и служить городу еще 200-300 лет, но Евгений Леонтьевич завещания не оставил, и библиотекой распорядились по-другому. Ее разроенили сразу же после смерти собирателя в 1968 году. В первую очередь были распроданы драгоценные книги с автографами и дарственными надписями.

Так уже после смерти Кронмана совершилась еще одна репрессия: уничтожение его бесценного духовного наследия — библиотеки.

х х

х

Мой долг — сказать о Кронмане, как о знатоке музейного дела.

Под его руководством в 1950 году создана впервые (хотя

музей открылся в 1945-м) экспозиция музея изобразительных искусств на строго научной основе. По требованию Евгения Леонтьевича, в музее, после ремонта в 1950 году, были установлены штанги. Появились разделы - залы дореволюционного русского искусства, искусства первых лет советского периода, современного искусства.

Он отлично знал выставочное дело, умел построить экспозицию музея, зала, выставки передвижной, выставки тагильских художников. Умел написать методическую разработку экскурсии, лекцию, заметку в газету...

В 1951 году я долго не могла устроиться на работу. Евгений Леонтьевич рекомендовал меня директору музея изобразительных искусств на место кассира. Постоянно занимаясь со мной, научил водить экскурсии, что я и делала уже через месяц. А спустя полгода, меня перевели уже на должность экскурсовода. С 1954 года я - главный хранитель. И в этой должности мой наставник - Евгений Леонтьевич. Он учит меня описывать произведение, оценивать его сохранность, передает мне свои знания, опыт; учит не отделять работу от жизни, отдаваться работе целиком.

Уже потом эти знания совершенствуются на курсах главных хранителей в Москве, в ГЦХРМ, на многочисленных стажировках в Ленинграде, Перми и музеях других городов.

Это Евгений Леонтьевич увлекает меня в реставрационное дело, которое мне очень много дало как музейному работнику и человеку.

Это он учит меня готовить для печати буклеты и каталоги выставок, делать макеты изданий.

Это он, уже больной, подает мне идею подготовить каталог произведений, хранящихся в музее. К этому времени в грудке неразобранных бумаг мне посчастливилось отыскать утраченные было документы поступлений первых девяти лет существования музея. Идея создания первого научного каталога музея увлекла меня, и за три года он был составлен. В 1972 году каталог был издан в Москве издательством "Советский художник". Теперь он библиографическая редкость. Эту работу я посвятила памяти Евгения Леонтьевича Кронмана. К глубокому сожалению, учитель мой уже не мог его увидеть.

Прошел 21 год после смерти Евгения Леонтьевича, но для меня он жив и сейчас. С огромной благодарностью я вспоминаю нашу дружбу и "университет", который я прошла у него.

С.В.Ганька

ВЗ ВНЕ ВПСОБАТЬЕ

Вероятно, немногие знают, что в конце тридцатых годов почетную участь всех репрессированных лиц разделяли и чекисты.

В докладе по поводу двадцатилетия органов государственной безопасности, торжественно отмечавшегося в Москве в декабре 1937 года, А.И.Микоян сказал: "Ежов создал замечательный костяк чекистов, советских разведчиков, изгнав чуждых людей, проникших в НКВД и тормозивших его работу..." Отметим, что Ежов не создавал, а переделывал на новый лад такой костяк, созданный еще под руководством В.И.Ленина. И в тридцатые годы в этом костяке находились еще многие сотрудники, которые вступали во Всесоюзную чрезвычайную комиссию (ВЧК) в период ее становления, именно они и служили помехой нововведениям Ежова, с приходом которого к руководству наркоматом внутренних дел стали насаждаться методы в оперативно-следственной работе, идущие вразрез с принципами социалистической законности. Работу сотрудников стали оценивать не по качеству, а по количеству заводимых дел и производимых арестов в соответствии с приказами и инструкциями, которые наркомат внутренних дел разрабатывал и рассылал в местные органы госбезопасности. Это активизировало оперативную деятельность в направлении неуклонного вскрытия "врагов народа" повсюду и особенно среди "социально опасных элементов" (СОЭ), к которым тогда относили бывших офицеров, раскулаченных, имевших отношение к оппозиционным партиям. Среди СОЭ особую категорию учета составляли иностранцы-специалисты, бывшие иноподданные, а также имевшие родственников и иные связи за границей.

Чекисты, отказавшись от участия в незаконных репрессиях, объявлялись чуждыми людьми и предавались суду военного трибунала. Таковыми от изгоями оказались и тагильчане Губин Ник. Иг. Сидорович (1901-1932) и Друшиц Андрей Васильевич (1899-1933), а также житель поселка Васим Нижнетагильского округа Мартылов Константин Павлович (1897-1937), с 1917 по 1920 годы работавший в Вятской и Пермской ВЧК, активный участник гражданской войны на Урале, "красный партизан".

О том, как они попали в машину массовых репрессии, как сложилась судьба каждого из них, предлагается вниманию читателей "Тагильского краеведа" подборка материалов, подготовленная на основе подлинных архивных документов и воспоминаний.

ПАСУХА ИЛИ ДОСТАЛАСЬ ДОЛЯ...

Николай Сидорович всегда гордился тем, что корни его родословия глубоко уходили в беднейшее крестьянство. Родился он в семье коренных сибиряков в городе Томске, рано потерял отца. Мать его, Ксения Степановна, необыкновенно трудолюбивая и добрая женщина, много лет работала кухаркой у томского купца Момякова. Она, как могла, нежно заботилась о своем единственном сыне, которому дала возможность окончить церковно-приходскую школу, на большее не хватило средств. К тому же пришлось переехать в Тюмень. Было это накануне первой империалистической войны. О том трудном времени он напишет позднее в автобиографии:

"Учебу пришлось оставить, хотя и тянуло к знаниям. Работал на лесопилке, на мельнице братьев Ядриных, потом в кирпичном заведении Балана и Шейнкмана, а затем поступил учеником слесаря в паровозное депо станции Тюмень. За участие "в беспорядках" был уволен и поступил масленщиком на пароход "Смелый" судовладельца Колупаева..."

Машинистом парохода был Корауний Петр Иванович, уважаемый на пароходе за отзывчивость и доброту. Он и посоветовал приглашаемому ему Губину вернуться на железнодорожный транспорт, где можно было получить неплохую специальность. И вот он снова на железной дороге только теперь уже в роли кочегара, а потом и помощника машиниста паровоза. Его мировоззрение формируется в рабочей среде, живо интересовавшейся политическими событиями 1917-1918 годов. Вести об отречении царя от престола, о победе революционных масс в Петрограде, о создании власти Советов рабочих и крестьян, о ленинских декретах вызвали у молодого Губина не только интерес, но и подталкивали к общественной активности. В марте 1918 года он вступает в ряды Красной Армии. И делает этот шаг добровольно, хотя ему не было еще и 18 лет. В одном из боев с превосходящими силами белогвардейцев Губин попадает в плен, содержится в колчаковских застенках Тобольска, Омска, Иркутска. Находись в Александровском каторжном центре, участвует в тюремном восстании, закончившемся побегом всех заключенных. Пестри, об этом интересном событии ведется рассказ в книге А. Майорова "Утро моей республики", выпущенной восточно-Сибирским книжным издательством в 1969 году. После побега Николай Сидорович скрывается от преследования колчаковцами в тайге, затем попадает в

Первый Ангарский партизанский отряд Первой Балаганской партизанской добровольческой дивизии под командованием Зверева. На станции Зима, под Черемхово, есть-удой вокзет с отступающими каптолевцами. В Верхнеудинске оканчивает армейские пропагандистские курсы и принимает участие в создании городской комсомольской организации (штрих, который, вероятно, может заинтересовать краеведов этого города).

Весной 1920 года на фронтах гражданской войны Красная Армия добилась значительных успехов, что позволяло приступить к переходу экономики на мирное строительство. Однако этот переход проходил в условиях острейшего кризиса на транспорте. В апреле 1920 года IX съезд РКП(б) потребовал в кратчайший срок мобилизовать на работу в области транспорта не менее 5 тысяч опытных специалистов и коммунистов-организаторов. Губин, как пропагандист, бывший политзаключенный и железнодорожник, в мае 1920 года получил направление в Тюмень для нормализации обстановки на транспорте. В Тюмени его сразу же принимают в члены РКП(б) и направляют на работу в губернскую ВЧК. Как известно, в это время в ряде районов Урала и Западной Сибири возникали крестьянские выступления под лозунгами "Долой продразверстку!", "Советы без коммунистов!" и т.п. Этим воспользовались бывшие колчаковские офицеры, которые создавали вооруженные отряды для свержения Советской власти на местах. В самой Тюмени действовала подпольная белогвардейская организация, руководимая колчаковским корнетом Лобановым, готовая начать выступление с оружием в руках. В середине февраля 1921 года восстанием были охвачены почти все уезды Тюменской губернии. На подавление готовившегося в Тюмени мятежа были посланы воинские соединения во главе с преданными Советской власти командирами и полкработниками.

Бывая по службе в селах и деревнях, Губин наблюдал, как не просто в этой глубинке проходили социальные процессы, и видел, в каком бедственном положении оказалось сибирское крестьянство, доведенное продразверткой до отчаяния. Может быть, под впечатлением от увиденного там у него и зародилось неприятие жестокости, насилия и несправедливости. После стабилизации обстановки в крае Губина отзывают из ВЧК и направляют в распоряжение Политуправления Западного фронта. Там он оканчивает курсы "красноармейцев", служит в Туркестане, Екатеринбурге, Челябинске, где осенью 1924 года получает демобилизационное удостоверение, и направление на советскую и партийную работу. Работает в Исковском, Чинистуринском, Сосвинском районах Свердловской области, в городе Чинише Салде.

в 1928 году опять же по воле партии переезжает в Нижний Тагил, где его в 1930 году призывают на службу в органы ОГПУ. Работает в Надеждинске, Перми, Березниках и, наконец, оперуполномоченным в дорожно-транспортном отделении РЖД (ДТО) на станции Нижний Тагил. Как всегда, трудится честно и добросовестно. Вот только с некоторых пор заметил появляющуюся чрезмерную придирчивость со стороны заместителя начальника ДТО Тренина, который требовал заводить дела оперативного учета на железнодорожников по подозрению в шпионской, антисоветской, вредительской и вообще какой угодно вражеской деятельности. И приводил в пример сотрудников отделения Рокеева, Глиных, Степанова и других, которые будто бы получали ежедневно по несколько десятков такого рода сигналов. Таких материалов Губин не получал. Тренин посоветовал Николаю Сидоровичу составлять фальсифицированные протоколы допросов "свидетелей" для использования их показаний в доверительных беседах с арестованными лицами. Практика была такова. Следователь предъявлял своей жертве фальсифицированный протокол и просил подписать его, поясняя, что такие документы послужат подтверждением существования вражеских группировок и организаций и поводом для компрометации в глазах мировой общественности зарубежных антисоветских центров, усиливших подрывную деятельность против СССР. Казалось, такой явно провокационный прием мог подействовать на воображение лишь очень доверчивых, малодушных и наивных людей. А все же эта ловушка надежно срабатывала довольно часто. Сохранились редкие документы тех лет - письма из мест заключения тагильчанки Алены Оттоовны Крыловой, попадавшей на эту коварную следовательскую удочку. Она писала мужу на волю: "Я, глупая, поверила, что нашей стране нужны эти ложные документы. Но теперь вижу, что нас всех словили, как мышей в мышеловке. Это бесстыдный обман! Никогда бы раньше не поверила, что следователь, представитель власти, может давать честное слово, сам заведомо зная, что обманывает...?"

Вот на такой обман Тренин однажды и пытался подтолкнуть Николая Сидоровича, вставляя составить подложный протокол допроса некоего Выломова, который должен был, как "свидетель", уличить инженера Голашевского в его связях с контрреволюционной, троцкистской организацией. Губин категорически отказался потому, что даже в глаза не видел этого лжесвидетеля. А вот, спустя несколько дней, 24 февраля 1938 года он был арестован. Арестом руководил Тренин в присутствии начальника транспортного отдела

Главного управления госбезопасности Алексеева, находящегося в Тагиле с инспекторской проверкой.

"Меня арестовали прямо в кабинете без мотивированного постановления, не объяснив ничего, взяли и отвели в камеру," - жаловался Губин Влеву, надеясь на его заступничество. Пока Губин сидел в камере-одиночке и ждал от наркома ответа на рапорт, Тренин не тратил времени даром и собирал на своего подчиненного компрометирующие материалы, а заводно получил задним числом согласие прокурора на арест и обыск.

Как мы знаем, биография Николая Сидоровича, по понятиям того периода, не страдала социальными изъянами. И все же в ней нашлись пункты, которые были использованы Трениным как дополнение к обвинению, сводящемуся к "клевете на органы НКВД, сокрытию от партии переписки с гражданами, проживающими в капиталистических странах, а также данных о брате жены, выехавшем в 1916 году в Китай". Весь криминал этот подпадал под действие статьи 58-10 уголовного кодекса РСФСР, что грозило десятью годами лишения свободы.

В рапорте Влеву Губин аргументированно опровергал все пункты обвинения, приводил данные личных карточек партизанского учета и разных анкет, заполненных им ранее при поступлении на работу. В них содержались все сведения о нем, которые с подачи Тренина рассматривались, как "сокрытые от партии и органов госбезопасности". Даже в анкете по учету кадров при поступлении

на службу в НКВД в 1930 году он узнавал, что на почве увлечения международным языком "эсперанто" ведет переписку с эсперантистами Франции, Испании, Швеции. А в бытность свою в 1927 году в Чинной Салде создал кружок по изучению этого языка и райкомом партии послан на Уральскую конференцию с докладом об эсперантистском движении на Урале. И делал переводы с эсперанто для газеты "Тагильский рабочий" и не тайно, а гласно. О каком таком сокрытии могла идти речь?

Невиновность в этом отношении ему удалось доказать, однако еще висела часть обвинения в "клевете на органы НКВД", под которой подразумевался отказ Губина фальсифицировать следственные документы. И еще вскрылось одно немаловажное обстоятельство, усиливающее обвинительные формулировки. При обыске на квартире у Губина нашли книги И. Вухарина "Азбука коммунизма" и Я. Д. Троцкого "О партии в 1904 году", а также несколько брошюр с докладами и речами репрессированных деятелей партии: Каменева, Зиновьева и Рыкова. Литература эта подлежала изъятию и сдаче в спецхран, чего Губин не сделал, так как не видел в ней ничего криминального. И пока проводилось следствие, в глазах родственников, друзей и знакомых он подвергался издевкам, как "враг народа", которого "за содеянное" ожидает суровая кара. Лишенный прав на переписку и свидания с родственниками, он не знал, что его жену Александру Степановну, работавшую главным врачом городской поликлиники, уволили с работы и исключили из партии. Пострадали и дети: Борис и Юлия, которых нельзя было послать в школу. Правомочно предположить, что арест Губина мог негативно отразиться и на судьбе брата его жены Степана Петра Степановича, работавшего в то время областным прокурором в городе Пермь. Рапорту Губина с просьбой о реабилитации все же дали ход. Комиссия, проверявшая жалобу, признала его невиновным. Однако выпустили Николая Сидоровича вопреки логике под подписку о невыезде с места жительства. Из НКВД уволили со снятием с учета, но в партии восстановили с вынесением выговора "за притупление политической бдительности", выразившейся в хранении запрещенной литературы и неверие в законность искоренения органами НКВД "врагов народа".

При такой формулировке Губина нигде не принимали на работу, и он с семьей влачил жалкое существование, что и подтолкнуло его написать еще один рапорт, на этот раз уже самому шефу НКВД Берии. Перечисляя все с ним случившееся, Губин писал: "Я сидел в камере-одиночке, доведен был до отчаяния и почти до психоза,

семья моя раздета и разута, и нижем мы подуголодом..."

И просил этого палача о полной реабилитации. Неизвестно, получил ли ответ на этот рапорт, только в довершение ко всему Губина с семьей в июне 1939 года в административном порядке с милицией выселили из квартиры, которая принадлежала горотделу ЧКВД. Из сохранившейся автобиографии видно, что Николай Сидорович все-таки устроился на работу в первое паровозное отделение Свердловской железной дороги, в годы войны работал в кадровом аппарате 8-й дистанции пути, а в послевоенное время в резерве проводников в вагонном отделении. В последней своей автобиографии он писал: "За время своей работы в органах ОГПУ-НКВД почти все время был секретарем парторганизации. Почти 30 лет был пропагандистом и в Чинском Тагиле и в других местах".

Даже после выхода на пенсию в 1962 году он продолжал заниматься общественной работой, входил в разные комиссии, был членом ~~включая~~ совета ветеранов гражданской войны при музее краеведения. Заведовал советским отделом музея Н.А. Дылушкина Ухх. Вспоминает о Николае Сидоровиче, как об очень скромном и душевном человеке, любившем Родину и верившем искренне в ее светлое будущее.

Пусть он полностью реабилитированным останется хотя бы в благодарной памяти потомков.

x

x

x

Не менее драматичной и интересной была судьба Андрея Васильевича Друшица. Он родился в деревне Мелеч Дружинского района Восточной губернии. О бедственном положении белорусского крестьянства конца XIX - начала XX века написано немало. В поисках лучшей доли многие крестьяне западных областей Белоруссии покидали в то время насиженные места и разбредались по разным уголкам огромной Российской империи, выезжали за океан. В 1912 году в далекую Канаду на заработки подался и Друшица. В этой красивой и по тем временам богатой стране он не нашел подлинного счастья, зато прошел свои "университеты" на металлургических заводах Торонто... В

этом городе он познакомился и подружился с приехавшим с Украины Романом Андреевичем Левченко.

Свободное время с нами проводили в городском политическом клубе, арендовавшемся выходцами из России, среди которых были многие представители разных партий и течений — эсеры, меньшевики, анархисты, бундовцы, максималисты и т.д. Были и сторонники Денина.

вся эта разношерстная масса бурлила при обсуждении вестей, которые приходили из России и других европейских государств.

"Как мы радовались февральской революции 1917 года, — писал мне в 1917 году Роман Андреевич. — Наша мечта о лучшей жизни начинала сбываться. И еще сильнее потянуло на родину..." Решили возвращаться домой. В середине июля 1918 года первым отправился на пароходе по маршруту Манча-Япония-Владивосток Друшиц, а спустя две недели за ним последовал и Левченко. Друзья встретились, как и договорились заранее, во Владивостоке, в то время оккупированном японскими и американскими захватчиками, сгрудившимися в Приморье вместе с белогвардейцами. Путь на Украину и в Белоруссию обоим был закрыт. Нашли приют у рабочих железнодорожных мастерских, которые в это время налаживали борьбу с оккупантами: собирали оружие, медикаменты и прочее для партизан, действовавших в окрестностях Владивостока и в Сучанской долине.

"Нам доверили, — пишет Левченко, — участвовать в этой подпольной работе. Вот когда нам пригодились знания, полученные в Торонто, и владение английским языком. Нам удалось наладить связь с корейской подпольной организацией, имевшей свою типографию, в которой печатались листовки-обращения к солдатам оккупационной армии с призывом бросать оружие и возвращаться домой. Автором и составителем листовки был Андрей Васильевич. В этом деле ему помогали корейские друзья, среди которых были люди, хорошо владевшие русским и японским языками..."

В начале 1919 года подпольная организация города сумела под носом японской охраны разгрузить вагон с оружием и перегрузить его в сопки. Белая контрразведка сбилась с ног в поисках виновников происшествия. Когда начались повальные облавы и аресты, Друшиц и Левченко ушли к лесозаготовителям, а затем стали пробиваться к партизанам. Здесь пути друзей разошлись. Андрей Васильевичу повезло — он попал в партизанское соединение, которым командовал прославленный герой партизанской войны в Приморье Сергей Георгиевич Лазо. Позднее, уже будучи в Нижнем Тагиле, Друшиц об этом времени пишет: "В первый раз я увидел Лазо в

Сучанской долине... Высокого роста, стройный, с широко открытыми добрыми глазами, Сергей Георгиевич производил впечатление волевого и в то же время добросердечного человека. Я слышал его короткую речь, с которой он обратился к партизанам. Она, как мне помнится, сводилась к следующему: "Товарищи! Через полчаса я поведу вас в бой с сильным, вооруженным до зубов противником. Противник этот - американский империализм - пришел сюда за многие тысячи километров на нашу русскую землю, чтобы в нашей крови утопить завоевания революции, лишить нас хлеба, крова, свободы и счастья..." Далее Лазо объяснил нам условия боевой задачи и повел нас в бой, который мы выиграли..."

В своих записках Друшиц раскрывает многие эпизоды борьбы за Советскую власть в Приморье, называет многих ее участников и этим ценным материалом дополняет летопись событий гражданской войны на Дальнем Востоке. Интересны сведения и о его пребывании во владивостокской тюрьме, куда он попал, будучи заключенным и арестованным колчаковцами. На память о пребывании в этом мрачном заведении у него осталась карточка учета арестованного с фотографией и отпечатками пальцев. С его заметкой она была опубликована в "Тагильском рабочем" 15 июля 1939 года. После освобождения из колчаковского застенка Андрей Васильевич некоторое время проживает во Владивостоке, где судьба сводит его с некоей Анной Сергеевной, многочисленные родственники которой проживали в Нижнем Тагиле. После регистрации брака с женой уезжают на Урал. В Нижнем Тагиле Друшиц поступает на службу в органы государственной безопасности и занимается созданием окружного отделения кооператива Полномочного Представительства ОГПУ по Уралу. По службе наделяется правами "заключать всякого рода коммерческие сделки по закупке всевозможных товаров и сбыту их со всеми государственными кооперативными органами и частными лицами." С исторической точки зрения факт этот интересен тем, что в кооперативную деятельность в двадцатые годы, оказывается, вовлекались даже органы госбезопасности.

Казалось, жизнь начинала входить в нормальное русло, однако с женой стали портиться отношения. До приезда на Урал Друшиц не знал, что его жена происходит из семьи закоренелых раскольников. Все ее близкие и дальние родственники были сторонниками старообрядчества. Их не устраивал родственник-атеист и тем более сотрудник ОГПУ, организации, притеснявшей старообрядчество, Друшиц в их расчеты вовсе не входил. Она требовали от своей "заслужившей

сестры" порвать связь со "службой антихриста". Возникли ссоры, объяснения, которые ни к чему хорошему не привели. Когда наступило отчуждение, Анна Сергеевна стала в своем доме проводить моления с единоверцами. Скоро об этом стало известно руководителям и партийной организации Нижнетагильского горотдела ОГПУ. Пришлось ему писать объяснительный рапорт. Так возникло "персональное дело коммуниста Друшица", результатом чего стало его исключение из рядов партии и увольнение из органов государственной безопасности. По этому поводу Левченко заметил:

" Я думаю, что с Андреем парторганизация отдела поступила так бесчеловечно. Решение исключить его из партии не может быть оправдано, ведь Андрей Васильевич был предан и партии, и Советской власти, которую защищал с оружием в руках и на подпольной работе..." С выводом Романа Андреевича следует согласиться и лишь приходится сожалеть, что всеобщее прозрение в оценке кровавых событий тридцатых годов пришло со значительным опозданием. Мы не знаем, по какой формулировке был уволен Друшиц. Может быть, тоже по мотивам "притупления политической бдительности", как и в истории с Губиним?

Известно, что в довершение ко всему Анна Сергеевна, взяв с собой приемную дочь Наташу, к которой Андрей Васильевич успел привязаться, ушла от него, а затем уехала в Златоуст. Так вот и остался он в одиночестве. И в Белоруссии его уже никто не ждал. Оставшись наедине со своими невеселыми думами, Андрей Васильевич написал свои интересные воспоминания о гражданской войне в Приморье. При помощи ветерана войны и труда Г.С.Денисова эти записки в 1967 году удалось отыскать и сдать их в фонды краеведческого музея. На заслуженный отдых после работы в системе обслуживания Друшиц ушел в начале 60-х годов, так и не дождавшись лучших времен, когда и он мог быть полностью реабилитирован.

x

x

x

И. В. Кочетов

КАК Я БЫЛ МИЛЛИОНЕРОМ.

Довелось мне однажды беседовать со знакомым молодым человеком о бизнесе, об умении капиталистов "делать деньги". Вот тут-то я и обронил такую фразу:

- Зачем про американских дядей толковать, я и сам был миллионером.

-Ну, дядя Ваня, ты и дашь! Когда это было, где?

И я рассказал ему вот такую историю.

Шел 1919 год, в развалинах лежали города, замерла промышленность, товаров не было, и деньги обесценивались с каждым днем.

Наша семья жила в поселке Елатья в Рязанских краях, жила небогато, и решил я, девятилетний мальчишка, накопить денег, чтобы купить фунт любимых пряников, полакомиться ими вдоволь.

Приспособил под копилку красивую коробочку из-под туалетного мыла, которую подарила мне интеллигентная старуха Мария Казановна. Дадут, бывало, денег на кино, а я их в копилку. Часто навещался на место, куда из парикмахерской выбрасывали мусор. Располневшая жена парикмахера, убирая помещение, не всякий раз наклонялась, чтобы подобрать упавшие деньги, потерявшие цену. Эти кредитки я тоже отправлял в заветную копилку. И так я накопил несколько миллионов. Но каким горьким было мое разочарование, когда я убедился, что остался бедняком! Рост цен на товары обогнал бег времени, и заветная цель - покупка пряников - осталась недостижимой. За несчастную коробку спичек на рынке требовали целых "лимон", то есть миллион. Видимо, "лимонами" деньги народ пресвзал неспроста: при упоминании о них во рту становилось кисло.

После гражданской войны жизнь стала улучшаться, и я все реже и реже вспоминал, что когда-то был миллионером.

ХРОНИКА КРАЕВЕДЧЕСКОГО КЛУБА

/май, июнь, июль 1990 года/

15 мая заседание клуба было посвящено 45-летию Победы.

О своём боевом пути рассказали В.А.Шилов и С.А.Черных, сражавшиеся с фашистами, и Т.В.Тячков, участник войны с Японией.

И.А.Орлов и В.Ф.Рунг поделились воспоминаниями о жизни и работе в Нижнем Тагиле военных лет.

Особенно ярким были выступления М.П.Рыковой, подростком вместе с матерью и другими беженцами олодевшей под бомбёжками и обстрелами путь от Киева до Урала, и Е.П.Шикиной, рассказавшей о жизни тыла, о работе своего мужа Н.В.Кочетова на военном заводе.

Их выступления были записаны корреспондентом тагильского радио и переданы по городской радиосети.

Е.Н.Епанчицева на основании архивных материалов сделала сообщение о культурной жизни Нижнего Тагила в годы войны.

21 мая Т.М.Сырова выступила с рассказом о работе краеведческого клуба и журнале "тагильский краевед" перед библиотекарями Пригородного района.

22 мая краеведы и экскурсоводы с большим интересом прослушали в музее Изобразительных искусств лекцию Л.Л.Смирных о духовной сути и изобразительном языке русских икон,

12 июня научный сотрудник музея-заповедника Л.Никанорова рассказала об экспедиции по уральским заводам, на которых сохранилось, а местами и работает пореволюционное оборудование.

зав.кафедрой Фотаники пединститута, кандидат педагогических наук С.И.Гомкина рассказала о результатах проведённых пединститутом опытов по изучению влияния

флюороагентов на живые организмы.

Согласна новая редакция журнала "тагильский крайвет!"
Презний состав заявил об отставке.

Опубликовано членами клуба

в "тагильском рабочем."

31 мая Е. Шишкина "Вспоминая пережитое" /рецензия на выпуск "тагильского крайвета" №7, посвящённого войне на Великой Отечественной войне/.

8 июня письмо Л. Трофимова, крайвета и журналиста из Ачига, с тёплым отзывом о крайветах В.А. Шилова, И.А. Орлова и заведующей крайветческой библиотекой Э.Н. Овечкиной.

12 июля С. Черных "Успеха съездили в Нижний тагил!"

О Т Р Ы Т А К Д И И

Летом 1938 года, поддержав предложение Май Петровны Рыковой об издании рукописного журнала, впервые сообразили те, кто хотел участвовать в подготовке первого номера: Елена Никитична Епанчинцева, Борис Андреевич Шиллов, Степан Яковлевич Черных. Позднее к ним присоединилась Тамара Моисеевна Сырова. Никто не знал, что получится из этой затеи. Выбирали название журнала, обсуждали эмблему, несколько вариантов которой нарисовала Елена Никитична. Вставал вопрос о тираже.

Материалы первого номера, выпущенного к 7-ю города в августе 1938 года, заняли 43 листа и принадлежали 7 авторам. Первыми поддержали рождающийся журнал К.Ф. Лянцев /см. № 1, 3, 4, 5, 6, 8/, И.А. Орлов /№ 1-5, 8/ и С.Л. Черных /№ 1, 2, 4, 6/. Машинописный краеведческий журнал в Нижнем тагиле стал реальностью и был встречен одобрительно. Со второго номера он стал выходить в объеме 68-69 листов. Самым толстым /67 листов/ получился № 7, посвященный 45-летию окончания Великой Отечественной войны.

Постепенно сложился порядок работы над номером и определились обязанности членов редколлегии. В.П. Епанчинцева - главная типографа и художник, Б.А. Шиллов работал с фотографиями, ездил к некоторым авторам. В сборе материалов работали все, но главным голытьчиком стала М.П. Рыкова. Она же редактировала и печатала некоторые материалы. Т.М. Сырова была главным редактором, корректором и переплетчиком, писала и печатала все, что шло от имени редакции. Имела дело с фотографией, где репродуцировались снимки /их всего было 5 экземпляров/, в связи с этим вела финансовые дела. За два года на репродуцирование было израсходовано 64 рубля 50 копеек. Это пожертвования членов краеведческого клуба. Все постоянные фотографы журнала: Б.А. Шиллов, А.П. Рыков, В.П. Богданов, И.Т. Коверга - ставили свои работы журналу бес-

платно. За что редакция приносит им особую благодарность.

Первые заседания редколлегии проходили в читальном зале краеведческой библиотеки, потом собирались друг у друга дома. Центром стала квартира Сыровой. Надо заметить, что эта работа всех очень стужила.

За два года в журнале были опубликованы статьи 37 авторов. Это прежде всего краеведы. Помимо упомянутых, С. В. Ганьжа/№ 2, 4, 5/, С. С. Ильин/№ 4/, В. А. Симонов/№ 3, 6/, Л. И. Зверев/№ 6/, Е. Н. Богданова/№ 2, 3, 4/. На страницах "тагильского краеведа" нет имени П. В. Тьячкова, но он помогал редакции неоднократно, предоставляя фотографии, консультируя по вопросам, связанным с тематикой.

Журнал дал возможность высказаться тем анатомам нашего края, которые не могут по каким-либо причинам посещать краеведческий клуб. Тут прежде всего хочется назвать П. В. Серова, уроженца села Горбуново, геолога и участника Великой Отечественной войны, составившего интересные рисунки пережитого /№ 4, 5, 7/.

Работами Май Петровны к в сотрудничеству с журналом были привлечены такие интересные авторы, как Н. Г. Завалишина /№ 2, 3/, Е. В. Костюченко/№ 2, 5/, М. В. Огнецова/№ 4/, О. Т. Чернакова/№ 8/. Она же установила связь со членами общества "Мемориал", и в журнале появились воспоминания И. Г. Белавиной/№ 6/, И. П. Рикерта/№ 6/, В. В. Зискинга/№ 6/, Г. Т. Грасмик/№ 8/, В. В. Рунга/№ 8/, Л. П. "Истергефт" /№ 7, 8/.

М. С. Сироткина, И. В. Кочетов на страницах нашего журнала опубликовали свои первые опыты.

"Тагильский краевед" стал интереснее с участием в нём И. Т. Коверги, предложившего рубрику "Осталось только на фотографии!" начиная с № 3, Иван Трофимович приносит в редакцию отпечатанный и снабженный отличными иллюстрациями материал, который редакции остается только вставить в номер. Так же поступает и В. А. Чугунов, взявшийся вести предложенную им же поэтическую рубрику. Надо ли объяснять, как это облегчило работу редакции,

тем более, что в последнее время осложнилось дело с печатанием материалов.

Журнал с первых номеров благодаря рецензиям Е. П. Шишкиной в "тагильском разгоне" стал известным в городе. Ряд материалов журнала был перепечатан в "Краеведческой шкапулке." Большой интерес вызвало сообщение о журнале на конференции уральских краеведов летом 1989 года в Свердловске, осенью того же года в музее, городской библиотеке и горсовете Верх-Ильвинска и на семинаре библиотекарей Пригородного района летом 1990 года.

Нынешний состав редколлегии выпускает последний номер журнала. Издание будет продолжено другим составом. Редакция благодарит всех, кто чем-либо: своим участием, деньгами, советами - помог журналу и выражает надежду, что они и впредь будут друзьями "тагильского краеведа", и желает успехов новому составу редколлегии.

журнал краеведческого клуба
"ТАГИЛЬСКИЕ КРАЕВЕДЫ"
№8 /август 1990 года/
СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Листы

1. ПАМЯТИ СТЕПАНА ЯКОВЛЕВИЧА ЧЕРНЫХ.

3. С.Л.Черных МОЕ УВЛЕЧЕНИЕ.

5. КРУГОСВЕТКА ТАРЬИ ЛЕОНОВОЙ.

Представляем нового автора.

6. НИКОЛАИ АЛЕКСАНДРОВИЧ МЕРЕНИН.

9. Н.А.Меренин РОКОВАЛ АВРОРА И ДРУГИЕ.

12. АЛМАЗ САНСИ.

15. К.М.Дягцев АНТРОМАХА НА КЛУМЬЕ.

18. И.А.Орлов О БЫВШИХ ГАЧАХ НИЖНЕГО ТАГИЛА.

ПЬМИТОВСКАЯ ГАЧА.

21. УТКИНСКАЯ ГАЧА.

22. МУРИНСКАЯ МЕЛЬНИЦА.

23. М.С.Скородкина СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В НИЖНЕМ
ТАГИЛЕ В ПЕРИОД КОЛЧАКОВЩИНЫ.

29. Г.Т.Грасмик МОЙ ОТЕЦ - ТВОТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ ГРАСМИК.

Представляем нового автора.

39. РУНГ ВОЛЬТЕМАР ЭДУАРДОВИЧ.

40. В.Э.Рунг "МАЛАЯ АКАДЕМИЯ" И ГОРБУНОВСКИЕ ГРЯЗИ. ✓

42. В.П.Хистергефт. ПАМЯТЬ О ДРУГЕ.

53. С.В.Ганьжа БЕЗ ВИНЬ ВИНОВАТЫЕ.

54. ПЛОХАЯ ИМ ПОСТАЛАСЬ ПОЛЯ.

63. И.В.Кочетов КАК Я БЫЛ МИЛЛИОНЕРОМ.

64. ХРОНИКА КРАЕВЕДЧЕСКОГО КЛУБА /май -июль 1990г/

66. ОТ РЕДАКЦИИ ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Редакция: В.Н.Евначишцева/художественное оформление/.

М.П.Рыкова.Т.М.Сирова/редактор/.Б.А.Жилов.

тираж 5 экземпляров.

При использовании материалов ссылка на журнал обяза-
тельна.

